

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ
СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
Илариона,
архиепископа
Верейского

ТРОПАРЬ
КОНДАК
ВЕЛИЧАНИЕ

СВИДЕТЕЛЬСТВА О
БЛАГОДАТНОЙ ПОМОЩИ

Жизнеописание
священномученика
Илариона,
архиепископа
Верейского

Воскресенский Новодевичий монастырь
Санкт-Петербург
«Ковчег»
Москва

По благословению
митрополита Санкт-Петербургского
и Ладожского ВЛАДИМИРА

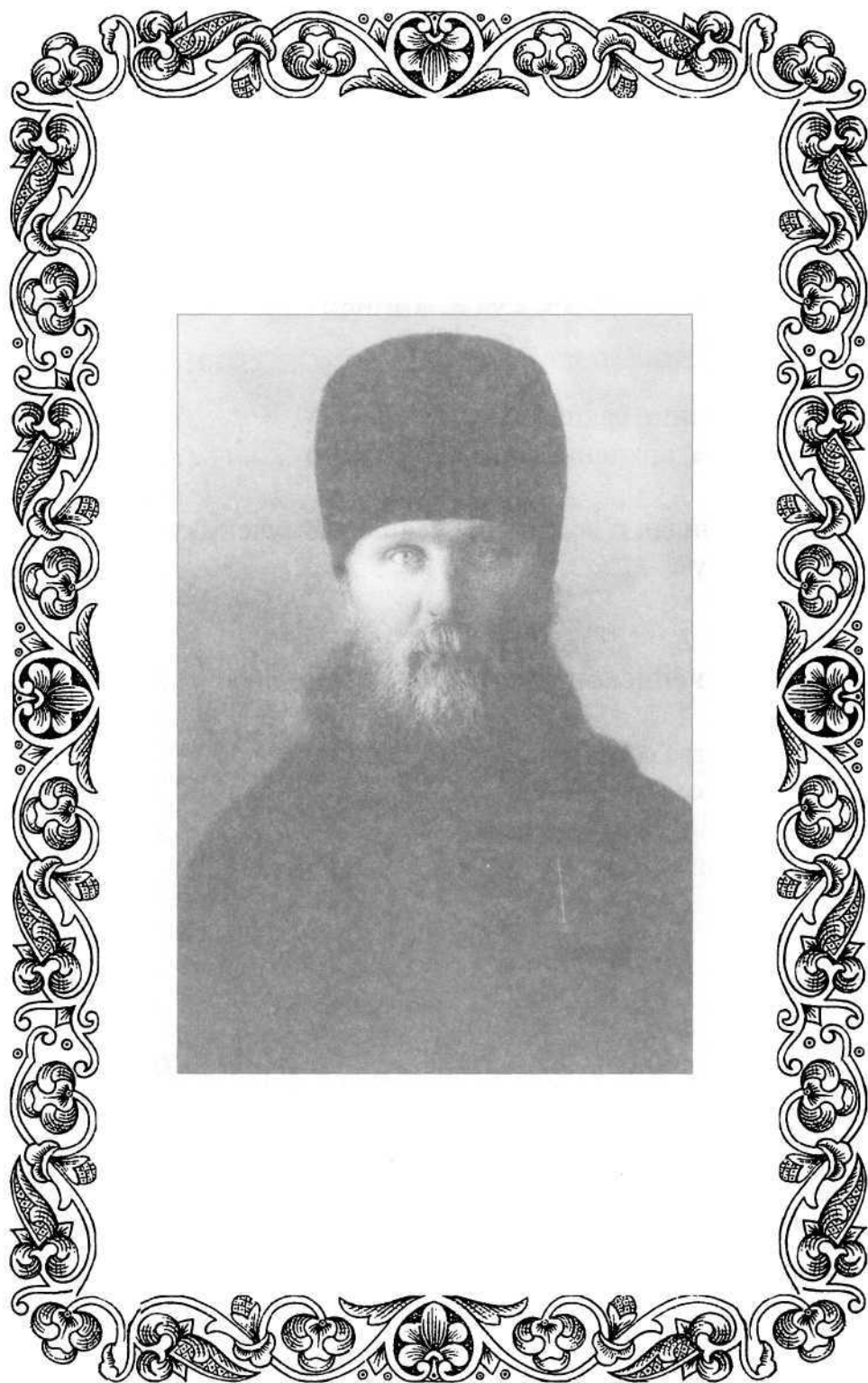
На второй странице обложки —
Сретенский монастырь в Москве в начале XX века.
На третьей странице обложки —
Воскресенский Новодевичий монастырь в Санкт-Петербурге.

ISBN 5-98317-014-7

© Воскресенский Новодевичий монастырь, СПб., 2004
© «Ковчег», 2004

Содержание

Жизнеописание священномученика Илариона, архиепископа Верейского	5
Тропарь, кондак и величание священномученику Илариону	57
<i>Кирьянов Н. Б.</i> Памяти архиепископа Верейского Илариона	58
Свидетельства о благодатной помощи священномученика Илариона	62
Примечания	68

Жизнеописание священномученика Илариона, архиепископа Верейского

Дивен Промысл Божий в жизни Его Святой Церкви, которая достигает ныне своей полноты и славы. Русская Православная Церковь в XX столетии совершила великий подвиг стояния в вере, свидетельство о любви Христовой даже до смерти, ибо такими свидетелями верными (см.: Откр. 2, 13) стали новомученики и исповедники Российские, которые, как звезды на тверди небесной, сияют над Русской землей.

В сонме мучеников Русской Православной Церкви особое место занимает архиепископ Верейский Иларион (Троицкий). Глубокий ученый-богослов, пламенный проповедник, ревностный служитель алтаря Господня, талантливый администратор, мудрый архипастырь и бескомпромиссный защитник Церкви и православных догматов — таков образ святителя Илариона, увенчавшего свое земное служение подвигом исповедничества и мученичества.

Священномученик Иларион (в миру Владимир Алексеевич Троицкий) родился 13 сентября 1886 года в селе Липицы Каширского уезда Тульской губернии в семье священника [1]. Дед будущего святителя Петр Троицкий и отец Алексей Троицкий служили в храме Благовещения Пресвятой Богородицы, возле которого и были похоронены.

Владыка с братом и родителями.

Супруга отца Алексея, Варвара Васильевна, рано окончила земной путь. На попечении вдовца осталось пятеро детей: три сына и две дочери. Воспитывать их помогала батюшке незамужняя сестра почившей Надежда — учительница церковно-приходской школы. Придя в возраст, сыновья посвятили себя служению Церкви. Два старших брата, Владимир и Дмитрий, стали епископами, младший, Алексей, после смерти отца в 1917 году, остался священствовать в своем родном селе Липи-

цы. Все трое остались до конца преданы Православию и приняли мученические и исповеднические венцы в годы гонений на Церковь.

Детство будущего архипастыря прошло в атмосфере строгой церковности и традиций православного благочестия. Маленький Володя сам выучился читать и с детских лет участвовал в богослужении. С пяти лет он стоял на клиросе, читал Часы и Шестопсалмие. С самого раннего детства в нем проявилось сильное стремление к учению. Однажды, взяв за руку своего трехлетнего брата, Владимир отправился в город учиться. По дороге братик заплакал и стал проситься домой, на что Владимир сказал: «Ну, оставайся

неученым!» Остаться неученым — эта участь более всего страшила маленького сына сельского священника.

Впоследствии, в каждый приезд домой, отец Иларион совершал в храме родного села богослужения, на которые стекались верующие со всех окрестных деревень, как на великое торжество.

Любовь к своей малой родине, радостное созерцание красоты земной, переходящее к созерцанию красоты небесной, навсегда остались в сердце владыки живым чувством: «Широка, просторна страна родная! Бедна она внешними эффектами, но богата красотами духа! ...И есть всего одно украшение... смиренных селений... — Божьи храмы с колокольнями смотрятся в зеркало русских рек. С детства привык я, мой милый друг, видеть такую именно картину на своей родине, на берегах родной Оки. Взойдешь у нас в Липицах на горку, позади села, посмотришь на долину Оки, — верст на сорок видно вдаль. Только в ближайших деревнях своего и соседнего прихода разбираешь отдельные дома, а дальше заметны лишь здания Божьих храмов: красная тешиловская церковь, белая церковь в Лужках, в Пушчине, в Тульчине, а на горизонте, в тумане высятся каширские колокольни... Приедешь, бывало, домой на Пасху. Выйдешь к реке. На несколько

Храм Благовещения в селе Липицы.

верст разлилась, затопила всю равнину. И слышишь по воде со всех сторон радостный пасхальный трезвон во славу Христа воскресшего... Ярко и ласково светит весеннее солнышко, шумно бегут по канавам мутные потоки, важно расхаживают по земле грачи, вся земля проснулась и начала дышать, зеленеет уже травка. Оживает природа, и смиренный народ справляет праздник Воскресения. Слышишь, бывало, как несется над рекой пасхальный звон, — будто волны новой жизни вливаются в душу, слезы навертываются на глазах. Долго и молча стоишь зачарованный...» [2].

Блестяще окончив Тульское духовное училище в 1900 году, а затем Тульскую семинарию в 1906 году, будущий святитель был послан на казенный счет для продолжения образования в Московскую духовную академию. С этой духовной школой в его жизни был связан чрезвычайно плодотворный в творческом отношении период. В стенах «Акаде-

Семья Троицких.

мии у Троицы» сформировались богословские взгляды и определились научные интересы будущего архипастыря. Именно здесь, у мощей игумена всея Русския земли Сергия, призыв преподобного преодолевать ненавистную рознь мира сего воззрением на Святую Троицу нашел отклик в его сердце. Как и многие студенты, он обращался в молитвах к преподобному покровителю всех взыскующих истинного знания. Впоследствии в работе священномученика «Триединство Божества и единство

Студенческие годы.

человечества» воплотились те мысли и духовные переживания, которые Господь даровал ему в лавре. «Мысль о единстве человечества в Церкви по образу Триединства Божества мы встречаем еще у ранних церковных писателей... — писал Владимир Троицкий в 1912 году. — Царство Христово не то, что царства земные, где люди объединены искусственными юридическими нормами, но могут быть в то же самое время совершенно разъединены друг от друга всем своим существом, всей своей нравственной природой... Воплощение на земле Единородного Сына Божия открыло возможность восстановления единства естества человеческого. Если люди следуют Христу, то они достигают

того состояния, когда их множество не разделяет единого естества, и человечество, поскольку, конечно, возможно это для существ ограниченных, уподобляется Троиственному Божеству» [3].

Владимир Алексеевич поступил в Академию в 1906 году, «когда чад и угар революционный, проникший и за стены Академии, — как писал его однокурсник священник Г. Добронравов, — только что начал рассеиваться, но не исчез еще окончательно». И Владимиру Алексеевичу пришлось многое пережить, видя «позор Академии, променявшей светлые ризы чистой и трезвой науки на яркие, но грязные разноцветные лохмотья уличной политики», позор той Академии, которую он любил, как «свою возлюбленную невесту» [4]. Владимира Троицкого глубоко занимал вопрос: почему революционное движение захватило столь широкие слои общества? Причину этого он усматривает в разрыве живой связи общества с Церковью, в его бесцерковности. Осознав этот общественный недуг, Владимир Троицкий посвящает свои обязательные сочинения и богословские труды разработке вопроса о Церкви и церковности.

С горечью отмечает молодой богослов проникновение мертвящего духа западно-европейского рационализма в православную духовную школу. Его идеал — церковность духовной школы и богословской науки. «Что такое богословие? — вопрошает он. — Оно для многих есть только знание богословских истин, но не знание Бога. Знание же Бога — есть наука опытная. Только чистые сердцем Бога узрят, и потому истинное богословие должно быть благочестием... Нашим призванием и должно быть богословие живое и действенное, проникающее *до разделения души и духа* (Евр. 4, 12), богословие спасительное. Такое богословие не может быть скучным, безжизненным, бессодержательным, потому что оно есть самое высшее проявление жизни, внутреннее возрастание христианской души, пока не изобразится в ней Христос (см.: Гал. 4, 19)» [5].

За время учения в Академии он был награжден премиями митрополита Московского Макария и митрополита Московского Иосифа, был признан лучшим по успеваемости студентом за последние 50 лет существования академии. Владимир Троицкий заведовал также издательским отделом Пастырско-просветительского братства при МДА, занимаясь изданием и распространением листков духовно-нравственного содержания для простого народа, участвовал в опеке школы-приюта для восьми-девятилетних детей, обслуживаемой студентами. Будучи студентом, а затем и преподавателем Академии, Владимир Троицкий написал и опубликовал работы: «Христианство или Церковь», «Гностицизм и Церковь в отношении к Новому Завету», «О церковности духовной школы и богословской науки», «О необходимости историко-догматической апологии девятого члена Символа веры», «Триединство Божества и единство человечества», «Покаяние в Церкви и покаяние в католичестве» и другие.

В период с 1906-го по 1913 год Владимир Алексеевич дважды побывал за границей. Первое паломничество 1908 года в составе группы студентов и преподавателей МДА проходило по христианскому Востоку и некоторым западным странам. Посетив Сербию, Турцию, Грецию и Афон, Владимир Троицкий отразил свои впечатления и размышления по поводу увиденного в книге «От Академии до Афона». С особой болью будущий святитель-богослов переживает отсутствие единства славянского мира. А посещение храма Святой Софии в Константинополе обращает его богословскую мысль к значению византийского идеала для современной ему России: «Самая главная черта византизма — проникновение всей жизни религиозными началами и интересами, — это дивное сочетание небесного и земного, это — настоящее богочеловечество, а не наше современное человекобожество» [6].

Именно церковно-общественный идеал Византии должен, по мнению Троицкого, стать идеалом для врачевания болезней современной ему России: «...идеал Византии навеки

будет дорог православному человеку. Не в нем ли наше спасение и среди всяких современных нестроений?..» [7].

Другое путешествие, совершенное им летом 1912 года по западным государствам, описано в «Письмах о Западе». Отдавая должное великим произведениям западного искусства, красоте природы, даже достижениям материальной культуры, Владимир Троицкий видит, по его выражению, «убожество» католического и протестантского богослужения в сравнении с красотой и богословской глубиной православных церковных служб, строгостью и реализмом православной духовности. Он восхищается Кёльнским собором как воплощением гения целого ряда немецких художников нескольких веков, выразивших религиозное европейское сознание. Но «проходит некоторое время, и начинаешь чувствовать, что в этом прекрасном, художественно построенном храме чего-то недостает, и недостает чего-то существенного. Начинает работать мысль, стараясь ответить на вопрос о том, чего недостает Кёльнскому собору и всякому готическому храму. Сам собой скоро всплывает ответ: здесь недостает Бога, недостает святости, недостает жизни... А войди в наш православный храм, украшенный всею красотой церковного благолепия... прежде всего здесь чувствуешь при входе, что вошел в дом Божий, и невольно поднимается рука для крестного знамения». В нашем богослужении, в «этой живой стихии древнецерковного святоотеческого возвышенного богословия», в полноте раскрыта и господствует «идея обновления естества человеческого, идея его обожения чрез воплощение Сына Божия» [8].

Окончив Академию в 1910 году со степенью кандидата богословия, В. А. Троицкий был оставлен при ней профессорским стипендиатом, а с августа 1911 года назначен исправлять должность доцента МДА по кафедре Священного Писания Нового Завета. О воззрениях молодого двадцатипятилетнего преподавателя Московской академии Владимира Троицкого свидетельствуют его собственные слова,

*Владимир Алексеевич Троицкий —
преподаватель МДА.*

обращенные к студентам на первой лекции: «Всякая деятельность в основе своей имеет дарование Духа, а по своему обнаружению и по целям она должна быть церковным служением... Не ради нас даны нам силы душевные и способности различные, а ради Церкви, и не себе должны мы угождать своей деятельностью, а Церкви... Церковное послушание беру на себя и я, восходя на эту кафедру. Ведь только Церковь дает смысл и цену земному бытию; только служение Церкви, по моему верованию и убеждению, дает смысл и цену нашей земной дея-

тельности... Если не служить Церкви, — нет никакого смысла во всякой деятельности и незачем тогда жить на Божьем свете». Научная деятельность не исключается из такого всецелого служения, ибо «наука стремится к познанию истины», а «Церковь как сокровищница истины может и должна быть руководительным авторитетом для всякого ищущего истины» [9].

Владимир Алексеевич тщательно готовился к лекциям. Он взял себе за правило оставлять написанный текст дома и читать лекцию, не пользуясь никакими записями.

Эта привычка придавала ему особенную уверенность, так что он стал чувствовать себя на кафедре вполне на своем месте.

С 1910-го по 1912 год в свободное от преподавания время Владимир Алексеевич работает над магистерской диссертацией. 1 марта 1912 года он обращается в академический Совет с прошением принять его магистерский труд для защиты. Совет назначает двух рецензентов — профессора М. Д. Муретова и профессора С. С. Глаголева. В апреле он получает разрешение на печатание труда в качестве диссертации. 11 декабря 1912 года состоялась защита магистерской диссертации Владимира Троицкого «Очерки из истории догмата о Церкви». В своей речи на защите автор говорил: «Над всякой истиной мы задумываемся обыкновенно тогда, когда слышим против нее возражения, и над вопросом о Церкви древнецерковная богословская мысль сосредоточивала наибольшую долю внимания тогда, когда встречалась с ложными взглядами на Церковь еретиков и раскольников» [10]. Рецензент профессор С. С. Глаголев сказал: «Такие книги, как книга господина Троицкого, не часто являются на Руси. Появление их есть праздник богословской науки» [11]. От Священного синода рецензентом диссертации был назначен архиепископ Антоний (Храповицкий), который назвал автора восходящим светилом богословской науки в духе преданий Церкви. Фундаментальный труд будущего исповедника и защитника Церкви от ереси обновленчества стал не только исследованием догмата в исторической перспективе, но и глубоким осмыслением происходившей в России крайней секуляризации общества, перераставшей уже тогда в богоборчество.

После защиты диссертации Владимир Алексеевич отправился в путешествие в Киев и в Житомир, где встретился с епископом Прокопием (Титовым), с которым был весьма дружен. Вместе они бывали у архиепископа Антония (Храповицкого), почитаемого многими студентами Академии, особенно стремившимися к монашеству.

Подошел Великий пост 1913 года. Время сугубого покаяния стало для Владимира Алексеевича началом иного жизненного пути. В Неделю торжества Православия он подает прошение о постриге в монашество. Монашеский путь, узкий, тернистый, благодатный, был естественным выбором для чистой души этого избранника Божия, стремившегося к совершенству, избегавшего всякого греха и соблазна века этого, желавшего посвятить всего себя Богу.

Перед принятием монашества Владимир Алексеевич писал своим родственникам: «Простите меня, дорогие мои, за все мои преступления против вас, ведомые и неведомые. Земно кланяюсь вам и прошу забыть все злое мое. Помолитесь за меня, особенно 28-го вечером (около 9 часов), когда будет в Параклите мое пострижение в монашество. Иду в путь свой светло и с радостью. Теперь уже томлюсь, — скорее бы загородиться от преследующего меня по пятам мира черными одеждами. Прошу вас всех не отвращаться от меня и впредь своею любовью. Простите!» [12]. Вот как пишет отец Иларион о постриге: «Я сам принял пострижение и думаю, что не придется еще в жизни пережить такой радости, какую я пережил 28 марта 1913 года. Эта радость у меня не прошла с окончанием обряда... Так все ликовало в душе, так радостно было... По опыту могу сказать, что не напрасно при постриге монашеском постригающий, возьм ясы, глаголет: «Брат наш (имярек) облачится во одежду веселия и радости духовная, во отложение и поправление всех печалей и смущений от бесов, от плоти и мира находящихся, во всегдашнее же его о Христе веселие и радование во имя Отца и Сына и Святаго Духа» [13]. Именно эту радость, тихую, чистую, веселие души добродетельной святитель пронес через всю жизнь.

Исключительно мудрое отеческое наставление дал подвижнику ректор МДА епископ Феодор (Поздеевский). «Я знаю и не хочу скрывать сейчас, в чем твоя жертва Христу, — сказал епископ Феодор. — Ты искушался и, быть может, теперь еще искушаешься любовью к той школе, которой ты

Архимандрит Иларион.

служишь, и чувством опасения, как бы иночество не лишило тебя этой школы. Но что такое Академия без Христа?! Это — пустое место и мертвый дом» [14].

В письме к родным через месяц отец Иларион писал: «Итак, вот уже почти месяц, как я монах. Много пережито, много перечувствовано. Будто какая высокая волна подняла меня, да и до сих пор еще не опустила... В духовной радости пробыл пять дней в храме. Вернулся в Академию, но еще до сих пор не вернулся к своим прежним де-

лам. Началась Страстная, Пасха... Все это в нынешнем году для меня было особенное. В Великий четверг впервые прошел Царскими вратами — посвящен в сан иеродиакона и начал ежедневную почти службу, которая каждый раз доставляет мне великое утешение. В прошедшие дни моего монашества я переживал преимущественно чувство радости и душевного мира... Я мир понял и примирился с ним, и очень жаль, что мир вовсе не хочет примириться с монашеством. А стоит только сознаться: ведь не одна же форма жизни должна быть для всех. Я избрал ту, которая мне казалась, а теперь и оказалась наиболее подходящей. Не жалею-

те, а сорадуйтесь, потому что я теперь радуюсь. А что значит Иларион? Веселый» [15].

11 апреля отец Иларион был рукоположен в сан иеродиакона; 2 июня, на Троицу, — в сан иеромонаха. Прошло всего два месяца после пострига, и случилось то, чего он больше всего опасался, ради чего долго не решался на постриг: 30 мая он был назначен на административную должность инспектора Московской духовной академии. Вместо богословских занятий и преподавания ему предстояло исполнять послушание, к которому он не чувствовал ни малейшего призвания. «Роптать не ропщу, потому что монах — церковная вещь. Личной жизни у него нет — один. Куда поставят — берись и работай», — писал он родным [16].

5 июля 1913 года отец Иларион был возведен в сан архимандрита митрополитом Московским Макарием (Невским), а 5 ноября того же года Священным синодом утвержден в должности экстраординарного профессора МДА.

Отцу Илариону как ученому-богослову было отпущено совсем немного времени для научной работы — меньше десятилетия; но и за этот кратчайший временной отрезок он сделал немало. «Верую во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь!» — так кратко можно определить направление и дух его трудов. Тема магистерской диссертации была по-особому раскрыта и нашла продолжение в работах: «Христианство или Церковь?» (1912), «Священное Писание и Церковь» (1914), «Церковь как союз любви» (1914), «Христианства нет без Церкви» (1915), «О жизни в Церкви и о жизни церковной» (1915), «Грех против Церкви (Думы о русской интеллигенции)» (1916). Есть среди его трудов статьи по экзегетике, работы на церковно-общественные темы, которые часто печатались в «Богословском вестнике» и журнале «Отдых христианина». Многие положения его речи «Прогресс и преображение» нашли отклик в умах и сердцах современников. Красной нитью проходит через эту речь идея о том, что стремление к прогрессу, созданию комфортных условий существования ведет к огрублению, овеществлению человека,

а устремление человека к горнему, к нравственному обновлению ведет к подлинному обновлению и человека, и общества в целом.

Как инспектор отец Иларион заботился в первую очередь о воспитании в студентах церковности, привлекал их к активной церковной, просветительской и проповеднической деятельности. Заботился он и о внешней дисциплине. Один из его студентов, С. А. Волков, впоследствии дал такой портрет архимандрита Илариона в своих воспоминаниях «Последние у Троицы»: «Высокий и стройный, с очень умеренной и пропорциональной полнотой, с ясным и прекрасным взглядом голубых глаз (он был немного близорук, но никогда не пользовался очками), всегда смотревший уверенно и прямо, с высоким лбом и волосами, которые он (в отличие от многих) никогда не завивал, с небольшой окладистой русой бородой, звучным голосом и отчетливым

В келье.

произношением, он производил обаятельное впечатление. Им нельзя было не любоваться». Владыка имел «сильный облик чисто русского человека, прямо-таки богатыря, одухотворенного глубоким интеллектом и чистой, благородной душой. ...Пожалуй, целостность и была главной чертой его личности. Этот смелый, исключительно талантливый человек все воспринимал творчески... Иларион благодатно влиял на меня своей личностью — прямоотой, властностью в отстаивании убеждений, восторженностью совершаемого им богослужения, энергией и жизнерадостностью... Иларион любил говорить, что насколько христианин должен осознавать свои грехи и скорбеть о них, настолько же он должен радоваться бесконечной милости и благодати Божией и никогда не сомневаться и не отчаиваться в своем жизненном подвиге. У него самого была поразительная восторженность и любовь ко всему, что было ему дорого и близко — к Церкви, к России, к Академии, и этой бодростью он заражал, ободрял и укреплял окружающих» [17].

По воспоминаниям другого студента Академии, Сергея Постникова, архимандрит Иларион был «вождем академических монахов и монашествующей братии», а «свое инспекторство он рассматривал как часть практическую от Священного Писания Нового Завета» [18].

Вскоре началась Первая мировая война, и все происходящее окрасилось особыми переживаниями. Во время всенародного молебствия на площади в Сергиевом Посаде архимандрит Иларион обратился к собравшимся с такими словами: «...Пробил грозный час суда над Русской землей. За последние десять лет мы все немало грешили. Мы, русские люди, допустили в нашей родной земле распространиться неверию. У нас небывалое прежде развращение нравов. Мы, русские люди, грешны пред нашей славной историей. Мы грешны пред памятью и заветами наших предков. Мы грешны пред нашими родными святынями. Стали мы терять страх Божий. Разучились любить Царя и Родину. Мы привыкли поносить и хулить все свое и родное, хвалить и

Архимандрит Иларион.

превозносить все чужое. Пришел час искупить пред Богом наши народные вины, наши народные грехи...» [19].

Отец Иларион глубоко понимал, что на полях сражений русские люди умирают прежде всего за веру Православную, защищая Россию от порабощения стране, давно отпавшей от Церкви и во многом ставшей враждебной христианству. По поручению Священного синода он частью отредактировал, частью сам составил двадцать четыре полемических листка против унии и

напечатал их в количестве шестисот тысяч экземпляров. Борьбу с вражеским духом, с вражеской мыслью архимандрит Иларион считал наиважнейшей и недоумевал, когда, например, преподаватель Духовной академии стремился в действующую армию, оставив исполнение своей прямой обязанности.

В мае 1915 года архимандрит Иларион был награжден орденом святой Анны II степени.

После событий февраля 1917 года в академии произошли перемены. Новым обер-прокурором от Временного правительства В. Н. Львовым с должности ректора был смещен епископ Феодор, а временное управление Академией возло-

жили на инспектора архимандрита Илариона. В июне 1917 года он принимал участие в епархиальном съезде по выборам митрополита Московского Тихона.

С 7 по 14 июля того же года в Московской духовной академии проходил съезд ученого монашества. После обсуждения положения монашества на учебной и неучебной службе решено было создать братство ученых монахов. Утверждалась необходимость иметь этому братству свои монастыри и учебные заведения. Профессора МДА архимандрит Иларион и иеромонах Варфоломей (Ремов) выступили с особым мнением по поводу принятой резолюции: «За последнее время церковная власть препятствовала образованию ученого монашества... направляя академических монахов обыкновенно по пути церковнопрактической деятельности... Поэтому нельзя не признать того факта, что ученое монашество в настоящее время в общем не близко к богословской науке, а часто, к сожалению, относится к ней без должного уважения. Та программа деятельности, которая предлагается для образуемого монашеского братства, носит характер по преимуществу практический. А потому это братство мы и не можем считать достаточно авторитетным в глазах широкого церковного общества для того, чтобы иметь своим органом, между многими другими, и Высшую богословскую школу» [20]. Отец Иларион опасался, как бы создаваемое ученым монашеством братство, взявшись за непосильное дело, не доставило радости своим недоброжелателям.

В этот период все бремя ответственности за Академию легло на плечи архимандрита Илариона, который остался исполнять обязанности ректора. Это было самое тяжелое время служения его в Академии. Борьба профессорских партий за ректорский пост, нехватка средств к существованию Академии, неопределенность ее положения и статуса — все эти вопросы требовали быстрого решения.

В новом учебном году (1917/18) ректором был избран профессор А. П. Орлов, а архимандрита Илариона после его

блестящей лекции в Академии в защиту патриаршества единодушно избрали помощником ректора. В этой должности ему суждено было пережить закрытие Духовной академии советской властью.

В воспоминаниях С. А. Волкова есть даже такая характеристика архимандрита Илариона: «Для меня Иларион стоит в одном ряду с такими лицами, как патриарх Никон, митрополит Арсений (Мациевич)... Илариону нужен был простор исторической арены, чтобы размахнуться чисто по-русски...» [21]. Волею Промысла Божия архимандрит Иларион вышел на самый широкий простор церковно-общественного служения и подвигом исповедничества запечатлел свой дерзновенный творческий порыв.

15 августа 1917 года в Успенском соборе Московского Кремля торжественным богослужением начал свою работу Поместный собор Русской Православной Церкви — Собор будущих мучеников и исповедников, Собор тех, кто богословствовал, прежде всего, жизнью.

Заседание Поместного собора.

Главной задачей, которую должен был решить Собор, было восстановление патриаршества. Мнение членов Собора по этому поводу разделилось. Среди защитников патриаршества особенно выделялась личность архимандрита Илариона (Троицкого), выступившего 23 октября 1917 года с яркой, поразившей слушателей речью: «Зовут Москву сердцем России. Но где же в Москве бьется русское сердце? На бирже? В торговых рядах? На Кузнецком мосту? Оно бьется, конечно, в Кремле. Но где в Кремле? В окружном суде? Или в солдатских казармах? Нет, в Успенском соборе. Там, у переднего правого столпа, должно биться русское православное сердце. Орел петровского, на западный образец устроенного самодержавия выклевал это русское сердце, святотатственная рука нечестивого Петра свела Первосвященителя Российского с его векового места в Успенском соборе. Поместный собор Церкви Российской от Бога данной ему властью поставит снова Московского Патриарха на его законное неотъемлемое место. И когда под звон московских колоколов пойдет Святейший Патриарх на свое историческое священное место в Успенском соборе, тогда будет великая радость на земле и на небе» [22].

Личность молодого архимандрита, конечно, не была широко известна среди большинства членов Собора. Но к этому времени он был известен в академических кругах, к его мнению прислушивались. Будучи авторитетным еkkлезиологом, он очень аргументированно показал, что патриаршество в лице первоиераршества, в лице епископской иерархии выступило в Церкви как сама собой разумеющаяся реалья, что там, где разрушается принцип иерархии, а значит, и первоиераршества, разрушается церковная жизнь.

Но уже тогда отец Иларион пророчески представил совершенно новый образ русского Патриарха. «Теперь наступает такое время, — говорил он на лекции в Московской академии в защиту патриаршества, — что венец патриарший будет венцом не “царским”, а, скорее, венцом

Епископ Верейский.

мученика и исповедника, которому предстоит самоотверженно руководить кораблем Церкви в его плавании по бурным волнам моря житейского» [23].

И когда 28 октября члены Собора, приняв постановление о восстановлении патриаршества, приступили к избранию Патриарха, кандидатом в Патриархи был выдвинут архимандрит Иларион. В этом, несомненно, выразилось признание его роли в принятии исторического постановления.

Восстановление патриаршества явилось исполнением заветного желания молодого богослова. По свидетельству одного из современников, после избрания святителя Тихона отец Иларион не смог сдержать слез умиления во время торжественного Все-московского крестного хода, в котором участвовал новоизбранный Патриарх [24].

Зиму 1918/19 года архимандрит Иларион целиком посвятил лекциям в Духовной академии, службам в московских церквах с обязательной проповедью. После перевода Академии из лавры в Москву отец Иларион поселился у своего друга профессора МДА протоиерея Владимира Страхова, который служил на Сретенской улице.

В то время должна была состояться Мировая конференция христианства. Участвуя в деятельности комиссии по ее подготовке, отец Иларион занимал ясную и твердую позицию. В своем письме секретарю комиссии по проведению Мировой конференции христианства Гардинеру архимандрит Иларион писал: «По Вашему убеждению все именующие себя христианскими общества составляют единую Христову Церковь, но лишь ослабленную в ее единстве... Такое учение о Церкви принять *совершенно невозможно*, так как оно, безусловно, неведомо древней Церкви, в которой не знали никакого ослабленного понятия о единстве Церкви... Основную истину христианства, его великую тайну — воплощение Сына Божия, признают все христианские вероисповедания. Но это одно не может сливать их в единую Церковь. Ведь бесы, по апостолу Иакову, веруют (2, 19) и веру свою, по свидетельству Евангелия, исповедовали, подобно апостолу Петру (см.: Мф. 16, 16; Мк. 1, 24; Лк. 8, 28)» [25].

На вопрос студента Академии, не предвидится ли соединение Православной Церкви и римо-католиков, архимандрит Иларион ответил: «Эти собрания происходят под моим председательством, а потому вряд ли может быть от них какой-нибудь положительный результат.. Впрочем, если Рим покается, то...» — начал он говорить, но не закончил фразу, так как нисколько не верил в покаяние Рима [26].

С приходом к власти большевиков сразу же начались гонения на Церковь. 10 (23) марта 1919 года архимандрит Иларион был приглашен для богослужения в церковь при Вознесенской мануфактуре на станции Пушкино. После вечерней службы и за литургией он говорил проповеди, за что был обвинен в «агитации против советской власти и произнесении с амвона погромных речей», арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. Своим близким он писал из тюрьмы: «Вызывали меня к следователю. “Дело” мое и следователю показалось смешным, и вины он никакой не нашел... Увы! После допроса прошло шестнадцать дней, а я ничего о себе не знаю. Вопрос: почему? — в нашей славной республике

вообще ведь неуместен... Сейчас в камере собралось у нас три профессора. Читаем время от времени лекции... Прямо считаю нужным сказать, что эти месяцы прожил я и не без пользы...» [27].

Это первое заключение продолжалось около трех месяцев. Освобожден отец Иларион был по ходатайству преподавательской корпорации Московской духовной академии и с тех пор находился под надзором ЧК.

11 (24) мая 1920 года, в полдень, в храме Троицкого патриаршего подворья состоялось наречение архимандрита Илариона во епископа. Обращаясь к Патриарху Тихону и присутствовавшим здесь архиереям, он сказал слово, в котором прежде всего возблагодарил Господа Бога за то, что привел его в этот мир от духовных предков, что с детства приблизил его к храму Божию и духовной школе. «Слава Богу и за все то, что пережито и передумано за эти последние годы бури и смятения, — продолжил архимандрит Иларион, — когда *передана есть земля в руце нечестиваго* (Иов. 9, 24), когда русское государство, отделив себя от Церкви Христа, вступило в теснейший союз с синагогой сатаны (см.: Апок. 2, 9). В эти годы лишь окрепла моя вера в Церковь и утвердилось сердце мое в надежде на Бога... Что мы знали из церковной истории, о чем читали у древних, то ныне видим своими глазами: Церковь побеждает, когда ей вредят (Иларий, Отр. 7, 4)... Наблюдая все это и размышляя над всем этим, чувствую я, что распространились стопы мои подо мною (см.: Пс. 17, 37) и на камне поставил Господь ноги мои (см.: Пс. 39, 3), да не ослабеет сердце мое (см.: Втор. 20, 3). Сие последнее Божие благодеяние наипаче таить не могу в сей час, когда стою перед сонмом вашим, архипастыри Церкви, призванный к служению епископскому.. Слышу пророческое увещание: *благо есть мужу, егда возмет ярем в юности своей* (Плач. 3, 27), и склоняю выю свою под омофор епископа. Господь милосердный да примет душу мою, сию малую лепту, вметаемую в сокровищницу Церкви для употребления на общую пользу. Воля Господня да будет (см.: Деян. 21, 14)» [28].

Епископ Верейский.

12 мая, в день памяти святителя Ермогена, Патриарха Московского и всея Руси, архимандрит Иларион был хиротонисан Патриархом Тихоном во епископа Верейского, викария Московской епархии. Святителю было тридцать три года. Начался путь сего избранника Божия на Голгофу вместе с Патриархом, с Церковью, с любимой им Россией. До следующего ареста владыка все свое время проводил в напряженной деятельности: работал у Святейшего Патриарха на Троицком патриаршем подворье, служил почти ежедневно утром и вечером, часто

сослужил Патриарху, посещал храмы и монастыри Верейского уезда. Сообщая о себе, епископ Иларион писал своим близким: «Совсем потерял свободу. Будто арестант, прикованный к своей тачке, — так и живу... Лето все прошло в непрерывных разъездах по Москве и по Московской губернии... Нет у меня ни утра, ни вечера... Некогда читать, некогда писать, некогда... даже грешить. Ради третьего, может быть, Господь и устраивает мне такую жизнь» [29].

О жизни святителя в этот период сохранились сведения, дающие представление о его духовном облике.

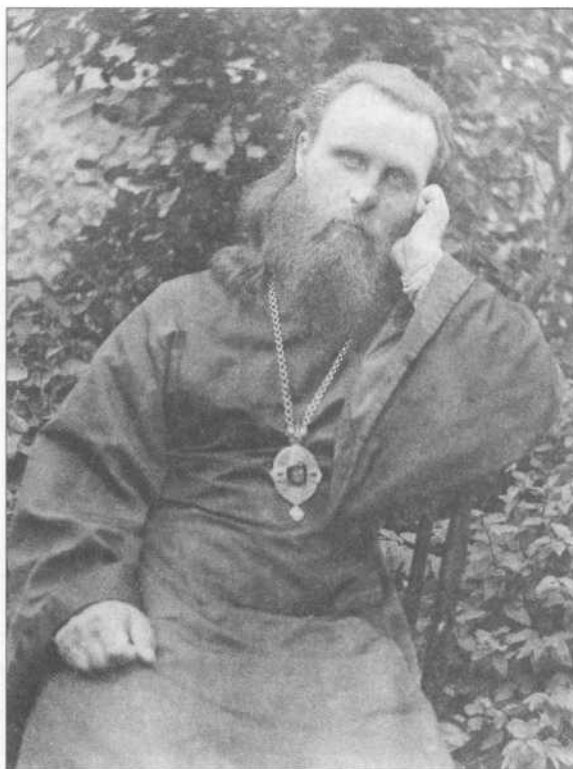
Н. П. Окунев в своем «Дневнике москвича» пишет: «На Страстной неделе тянуло в церковь. Несколько раз ходил в Сретенский монастырь. Привлекал туда святитель Иларион, не своим архиерейским служением, а участием в службах в качестве простого монаха. Однажды (за всенощной со среды на четверг) он появился в соборном храме монастыря в простом монашеском подряснике, без панагии, в камиллавке, и прошел на левый клир, где и пел все, что полагается, в компании с четырьмя-пятью другими рядовыми монахами, а затем вышел в том же простом наряде на середину и проникновенно прочитал канон, запел один “Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный!”. Ну! Я вам скажу, и пел же он! Голос у него приятнейший, чистый, звучный, молодой (ему 35 лет), высокий. Тенор. Пел попросту, не по нотам, но так трогательно и задушевно, что я, пожалуй, и не слыхивал такого чудесного исполнения этой дивной песни» [30]. По воспоминаниям С. А. Волкова о святителе, «он отдавался богослужению всей душой, всем существом своим, как главному делу своей жизни» [31]. Святитель знал, понимал и любил богослужение.

За год своего архиерейства он отслужил сто сорок две обедни, более ста сорока всенощных и произнес триста тридцать проповедей, и это при том, что в тот год он два месяца проболел тифом и болезнь вызвала осложнение на сердце. Это было служение архипастырское, когда он словом, примером поддерживал колеблющихся и малодушных, научал малознающих.

Тяжелые испытания обрушились на Русскую Церковь и на весь русский народ. Страшный голод, голодные бунты, беспощадно подавляемые властями, насильственное изъятие церковных ценностей, вскрытие и поругание мощей... Сам святитель Тихон оказался под арестом, а по всей стране начались «процессы церковников». В 1921 году владыка Иларион привлекался Советом Народных судей по делу Коллегии Главмузея за просьбу выдать для богослужения икону Владимирской Божией Матери, изъятой из Сретен-

ского монастыря. Провел в Бутырской тюрьме два месяца и по суду был оправдан.

22 марта 1922 года епископ Иларион был снова арестован, в обвинении значилась вся активная церковная деятельность святителя. 22 июня Коллегия ГПУ постановила выслать епископа на один год в Архангельск. 4 июля епископ Иларион вместе с этапом заключенных прибыл в Архангельск и 10 июля был освобожден из тюрьмы. После напряженной московской жизни, следствия и этапа ссылка оказалась неожиданным отпуском. Первое время он почти целыми днями ходил по набережной величественной Северной Двины. В доме, в котором владыка Иларион остановился, хозяева выделили ему отдельную комнату. Своим близким в этот период он писал: «И сам не знаю причины, почему я переселился сюда. “Дела” у меня никакого не было. Все обошлось “без суда и следствия”. Видно, так нужно. Промысл Божий может действовать и через злодеев. Они думают, что свою злую волю творят, а на деле не то, волю Божию благую исполняют. Как и со мною. Мне, несомненно, благо уже в том, что скрылся я от мятежа человеческого... Трудная и даже изнурительная жизнь, которую по воле Божией я вел последние пять лет, имела следствием для моей личной жизни

Архангельская ссылка.

успокоение страстей, если и не полное, то весьма значительное... После двенадцати лет службы ничего не имею, и желания иметь у меня нет. Иной бы ужаснулся, увидев меня сидящим в этой убогой комнате, и сказал: и это ты получил за двенадцать лет служения! А я очень доволен и рад тому, что живу здесь, главное — свободное время и книги... Вести о московской смуте доходят, и удивляюсь я низости человеческой и трусости крайней, за свое благополучие готовы всё подписать, чему и не сочувствуют. Значит, никаких убеждений нет у людей. Я же надеюсь к грехам своим не прибавить еще отступничество, хотя бы и пришлось еще много путешествовать... Меня совершенно не интересует моя личная судьба, потому что внешнее положение для меня не составляет ничего важного... Но я не могу не страдать и не говорить горячо, видя и понимая страдания Русской Церкви. Смута, произведенная негодяями... на чем держится? Она держится только на том, что сейчас преступно отменена свобода совести и уничтожено отделение Церкви от государства, установленные в основных законах... Я думаю, что в моей личной жизни настоящее мое положение только начало болезни, вероятно, немало лет пройдет в заключениях, в скитаниях повсюду, в нужде и лишениях. Но, зная церковную историю, нисколько не смущаюсь, избираю “страдать с людьми Божьими” лучше, нежели называться “сыном дщери фараоновой”...» [32].

Представители либерального движения, созревшего в недрах Русской Церкви на рубеже веков, воспользовались тяжелым положением Церкви после революции и обманом захватили церковное управление. При непосредственном руководстве и опеке со стороны безбожных властей обновленцы развернули свою разрушительную деятельность. В мае 1923 года они провели разбойничий Собор, на котором «лишили сана и монашества бывшего Патриарха Тихона». Патриарх содержался под домашним арестом. Однако обстоятельства сложились таким образом, что советская власть вынуждена была изменить политику.

Епископ Верейский.

14 (27) июня 1923 года после сделанного святителем Тихоном заявления в Верховный суд РСФСР он был освобожден из-под стражи и на следующий день обратился к народу с воззванием, которого от него требовали власти. Послание Патриарха Тихона от 18.06 (01.07) 1923 года, еще более радикальное по политическим вопросам, сочеталось с непримиримостью в отношении обновленцев: «Тяжелое время переживает наша

Церковь. Появилось много разных групп с идеями обновления церковного... Обновленцы эти бессознательно или сознательно толкают Православную Церковь в сектантство, вводят совершенно ненужные реформы, отступая от канонов Православной Церкви» [33].

21 июня 1923 года преосвященного Илариона вызвали в Архангельское ГПУ и здесь объявили, что ему разрешено уехать. 5 июля он уже был в Москве.

В этот период почти все московские храмы были захвачены обновленцами-«живоцерковниками», и владыка Иларион приступил к решительным действиям, направленным против обновленческого раскола. В тот же день, 5 июля, в шесть часов вечера, он отслужил всенощную в храме Сретенского монастыря, где до этого служили обновленцы. Перед началом богослужения владыка совершил чин

освящения. Обращаясь к духовенству монастыря, он призвал его покаяться в обновленчестве и противлении Патриарху, причем принести покаяние принародное; непокаявшихся он не допустит до службы и не разрешит им входить в алтарь.

На следующий день, в праздник Владимирской иконы Божией Матери, в Сретенском монастыре служил Патриарх. Народу собралось столько, что храм не мог вместить всех, и многие стояли в монастырской ограде. В проповеди владыка Иларион говорил о празднике, о современной церковной жизни, об обновленчестве, о самозванцах-епископах. Впечатление от проповеди было такое, что люди стали выкрикивать, что признают только Патриарха Тихона, многие плакали. Служба, начавшаяся утром, закончилась только в шесть часов вечера, после того как Патриарх благословил весь народ. Сразу же после возвращения епископа Илариона из ссылки Патриарх Тихон возвел его в сан архиепископа и включил владыку в состав действовавшего при нем Временного Патриаршего синода [34].

Владыка Иларион настоял на том, чтобы обновленческих клириков принимали в общение с Церковью через покаяние, полученный в обновленчестве сан не признавался, обновленческие храмы заново освящали. Тем самым владыка Иларион определенно указывал на еретический характер обновленчества. Благодаря твердости архиепископа в этом вопросе началось массовое возвращение клира и мирян под омофор Святейшего Патриарха Тихона. 15 (28) июля 1923 года в Донском монастыре публично покаяться в обновленчестве митрополит Сергей (Страгородский). Патриарх возложил на него крест и панагию, а владыка Иларион вручил ему белый клобук.

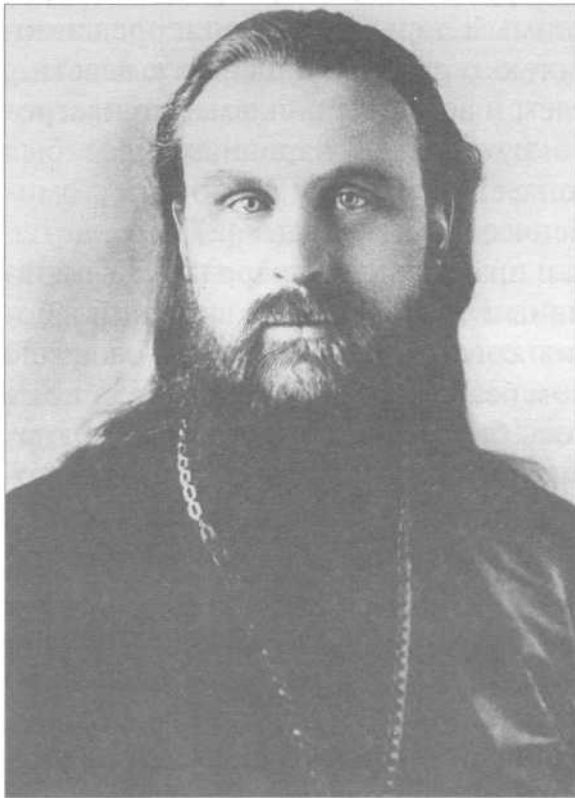
С этого времени архиепископа Илариона стали именовать Великим. В советской печати того периода из «тихоновцев» упоминалось только два имени — самого Патриарха и архиепископа Илариона. Его враги доносили в ГПУ, что из-за него волна фанатизма прокатилась по Москве, и

«живоцерковников» начали избивать и выгонять из храмов, и что это настроение создается епископом Иларионом. Они заявляли о необходимости положить предел его «контрреволюционной деятельности». Бывший обновленческий лидер Антонин (Грановский) сообщал, что «Иларион ходит и окропляет храмы после обновленцев... Тихон и Иларион — подсудимые перед революцией...» и должны покаяться в «жестокости против нравственной правды революционных достижений» [35].

Летом 1923 года обновленцы предложили Православной Церкви примириться и созвать Церковный собор. По поручению Святейшего Патриарха Тихона летом и осенью 1923 года во имя христианской любви и в надежде, что совесть у раскольников еще не до конца сожжена, велись пере-

говоры с обновленческим «митрополитом» Евдокимом (Мещерским). Православную Церковь представляли на этих переговорах архиепископы Серафим (Александров) и Иларион (Троицкий), а также протопресвитер Василий Виноградов.

Однако в цели обновленцев входило удаление Патриарха от управления Церковью до Собора и захват власти на Соборе. После ряда провокационных заявлений обновленцев возмущению православных

Владыка Иларион Троицкий. Москва. 1923 г.

архиереев не было границ. «...Вовсе не какие-либо политические вожеления заставляют нас собраться вокруг Святейшего Патриарха, а только желание сохранить верность своему архиерейскому обещанию и соблюсти непоколебимый канонический порядок иерархического преемства. И в наших переговорах с Вами и с другими представителями Вашего Синода нами руководило исключительно одно желание — воссоединить со Святой Церковью отторгнувшихся от ее единства во время печальной смуты церковной» [36].

Сам факт ведения переговоров представителей Патриаршей Церкви с обновленцами был на руку последним, поскольку через государственную печать они могли писать об этих встречах что угодно, вызывая смятение в среде православных, не имевших возможности им отвечать. Несмотря на это, «весь народ и все окружающие Патриарха были проникнуты тогда несокрушимым порывом любви и преданности к Патриарху и радостью о его возвращении к власти... Главным же вдохновителем и вождем так пламенно настроенного патриаршего окружения и народных масс был именно епископ Иларион с его огненным словом, неутомимый обличитель обновленческой неправды» [37].

Единство Патриарха и православного народа ГПУ пыталось взорвать ультимативным требованием о введении в богослужение поминовения советской власти. Это означало бы признание Патриархом безбожной власти *de jure*, а не *de facto* лишь, что отозвалось бы горьким чувством в сердцах верующих. Отказ от поминовения властей повлек бы за собой полный разгром патриаршего управления в центре и на местах. Владыка Иларион много потрудился над выработкой такой формулы поминовения, которая бы менее всего претила религиозным и политическим чувствам молящегося народа и в то же время была бы приемлема и для советской власти. В отличие от формы поминовения царской власти, новая формула носила безличный и общий характер и не указывала, о чем же конкретно нужно молиться — о благоденствии ли властей или об их вразумлении и обращении на путь

истины. На требование уполномоченного по делам религии ОГПУ Е. А. Тучкова вставить в прошение «о стране Российской и властях ея» слово «советских» архиепископ Иларион возразил, что это слово «русское» и его нельзя использовать в богослужении, которое совершается на славянском языке. Указ Патриарха о поминовении властей за богослужением народ воспринял очень спокойно [38].

Не достигнув своей цели, Тучков задумал учинить раскол в Церкви введением нового григорианского календаря. Это было мотивировано тем, что трудящиеся не выходили на работу в великие церковные праздники, когда они наступали — и по старому, и по новому стилю. В 1923 году в Константинополе прошел «Всеправославный церковный конгресс» под председательством Константинопольского Патриарха Василия. Конгресс, не имея законных полномочий, принял решение ввести новый стиль. Представители советской власти вручили официальную копию этого постановления Патриарху Тихону, скрыв от него, что оно принято далеко не всеми восточными церквами.

По поручению Патриарха владыка Иларион составил патриаршее послание, в котором переход на новый стиль объяснялся необходимостью сохранять единство богослужebной жизни со всей Православной Церковью. В праздник Покрова Божией Матери при патриаршем служении в Покровском монастыре это послание было оглашено перед народом, но мало кто мог расслышать текст, так как Патриарх Тихон поручил чтение протопресвитеру Василию Виноградову, имевшему очень слабый голос. Духовенство московских храмов со скорбью начало богослужение по григорианскому календарю.

Для введения нового стиля в общецерковную жизнь необходимо было разослать отпечатанный указ Священного синода и патриаршее послание епархиальным архиереям. Сделать это надо было не позднее 3 ноября нового стиля, иначе Рождественский пост начался бы после 15 ноября и продолжался бы меньше сорока дней. По указанию Тучкова

типография задерживала печатание послания, разъясняющего причины перехода на новый стиль. Вместо этого в газетах появилась заметка, называющаяся «Всеpravославный конгресс» обновленческим. Цель этих действий была одна — настроить верующий народ против Патриарха. Тучков полагал, что возвращение к старому стилю уже невозможно, но ошибся. Патриаршее послание не было отпечатано и к 5 ноября. Патриаршее Управление, пользуясь неосторожно брошенной Тучковым фразой: «Делайте как хотите», — сочло возможным вернуться к старому стилю, о чем Московская епархия была извещена по распоряжению архиепископа Илариона указами Епархиального Совета [39].

Все это время владыка Иларион выступал на религиозных диспутах. 17 августа 1923 года он прочитал в аудитории Политехнического музея лекцию на тему: «Тихоновцы и обновленцы, что их разделяет?», а вскоре, 4 сентября, там же состоялся диспут на тему: «Обновленческий собор 1923 года». Святитель Иларион был докладчиком, а в качестве оппонентов выступали обновленцы, православные, старообрядцы и сектанты-толстовцы. Присутствовавшие на диспуте могли ясно уразуметь лживость и неканоничность действий обновленцев. Многие москвичи в те годы стали свидетелями убедительных побед православного архиерея над своими противниками.

13 октября в здании Политехнического музея состоялся диспут на тему: «Кто враги Церкви?» В нем участвовали архиепископ Иларион и обновленческий священник Александр Введенский. Первым выступил Введенский. Его выступление прерывалось шумом и выкриками, и когда он стал говорить о Патриархе Тихоне, что последний был связан с зарубежной контрреволюцией, в зале разразилась буря протестов, причем всякий раз, когда Введенский говорил «Тихон», зал дружно кричал «Патриарх». Вслед за Введенским выступил архиепископ Иларион. Его появление было встречено аплодисментами. Когда он начал говорить, наступила полная тишина. В его речи чувствовалась непоколебимая вера в пра-

Могила священномученика Илариона
на Новодевичьем кладбище в Санкт-Петербурге.

Обретение мошей священномученика Илариона 24 июля 1998 г.

Панагия священномученика Илариона.

Митра и воздух священномученика Серафима Чичагова, в которых был погребен священномученик Иларион.

Крест и святое Евангелие, с которыми был погребен священномученик Иларион.

Четки священномученика Илариона.

Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир
у мощей священномученика Илариона.

Крестный ход с мощами священномученика Илариона
в Новодевичьем монастыре (г. Санкт-Петербург) 9 мая 1999 г.

Встреча мощей священномученика Илариона
в Сретенском монастыре (г. Москва).

Рака с мощами священномученика Илариона
в Сретенском монастыре (г. Москва).

Вид Казанского храма
Новодевичьего монастыря (г. Санкт-Петербург).

Рака с десницей священномученика Илариона
в Казанском храме Новодевичьего монастыря (г. Санкт-Петербург).

воту всего того, что он говорил. Говоря о Патриархе, архиепископ сказал, что Патриарх Тихон не контрреволюционер и никогда не был противником изъятия церковных ценностей, но он считал, что нельзя отдавать священные предметы. Свое выступление архиепископ Иларион заключил словами, что Патриарх Тихон никогда от своих убеждений не отступится и не пойдет с обновленцами на компромиссы.

На следующий день снова был диспут между теми же участниками, названный учредителями: «Почему Тихон и Иларион враги Церкви». Приходилось владыке Илариону вступать в полемику и с наркомом просвещения А. В. Луначарским. Один из очевидцев этих публичных споров вспоминает: «Выступления владыки Илариона отличались особым остроумием, но он не искал острое словечко только для того, чтобы оно произвело эффект. Он старался точным словом войти в глубину вопроса... В диспутах с безбожниками он опирался на догматы, вероучительное основание. Кроме того, он всегда приводил очень интересные примеры... Он безусловно подавлял глубиной своих знаний. Его довод обычно начинался спокойными словами: «Нет, вы ошиблись. Этого не было. Я утверждаю это на таком-то и таком-то основании». И приводил по-настоящему убедительные доказательства своей правоты» [40]. Однажды Луначарский высказал упрек в адрес служителей культа, недовольных советской властью, тогда как в Священном Писании сказано, что несть власти не от Бога. Архиепископ ответил: «А мы разве говорим, что советская власть не от Бога? Да, конечно, от Бога! В наказание нам за грехи...» [41].

За десять лет до этого, 14 сентября 1913 года, молодой архимандрит Иларион в речи на праздничном богослужении говорил о далеком прошлом и не подозревал, что заглядывает в ближайшее будущее: «...Не от содействия властей государственных растет и процветает Церковь, а лишь силою всемогущего Бога. Купина горела и не сгорела... Горела Церковь в пламени мучений и крепла, — разве нужно еще более ясное значение того, что неотлучно в ней пребывает

Архиепископ Иларион, тюрьма, 1923 г.

Своими благодатными силами Господь Бог? От Него Церковь и получает всегда свои духовные силы. Им она жила и живет, от Него питается. Он один ее укреплял. Один Он ее спасал. Об этой-то великой истине своею кровью свидетельствовали мученики... И разве переставали христиане повиноваться власти, разве переставали они молиться за власть, несмотря на обиды бесконечные, которые чинила им власть? Кого гнали? Кого преследовали? Государство казнило

своих друзей, гнало своих молитвенников... Государство, братие, не столько нужно Церкви, сколько Церковь государству. Церковь знает, что она может обойтись без государства; она пребыла непоколебима и тогда, когда ее гнало и преследовало государство. Но без Бога, без веры, без совести, без добродетели — одним словом, без Церкви разве не будут всегда колебаться самые главные основы строя и порядка государственного? Неужели не ясно кому-нибудь, что враги Церкви и враги государства — одни и те же люди?» [42].

Богоборческая власть не простила владыке его деятельности по борьбе с обновленчеством и укреплению единства Церкви, не простила его преданности Святейшему Патриарху. В ночь с 15 на 16 ноября 1923 года архиепископ Ила-

рион был арестован. 7 декабря комиссия НКВД по административным высылкам приговорила его к трем годам заключения на Соловках за «распространение ложных слухов и агитацию против советской власти под религиозным флагом». В январе 1924 года архиепископ Иларион прибыл на пересыльный пункт на Поповом острове. Когда пришло известие о смерти Ленина, заключенных заставили простоять пять минут в молчании. Владыка же демонстративно лежал на нарах и говорил: «Подумайте, отцы, что ныне делается в аду: сам Ленин туда явился, бесам какое торжество» [43]. После открытия навигации, в конце июня 1924 года, владыка был отправлен на Соловецкий остров.

Один из священников-соузников владыки по Соловкам дает такое описание его личности: «Архиепископ Иларион — человек молодой, жизнерадостный, всесторонне образованный, прекрасный церковный проповедник, оратор и певец, блестящий полемист с безбожниками, всегда естественный, искренний, открытый; везде, где он ни появлялся, всех привлекал к себе и пользовался всеобщей любовью... За годы совместного заключения являемся свидетелями его полного монашеского нестяжания, глубокой простоты, подлинного смирения, детской кротости» [44].

На Соловках владыка был лесником, сторожем в Филипповой пустыни, сетевальщиком на Филимоновой рыболовной тоне в десяти километрах от главного Со-

Архиепископ Иларион, Соловецкий лагерь.

ловецкого лагеря. Об этой работе он добродушно говорил переложением стихир на Троицын день: «Вся подает Дух Святой: прежде рыбаки богословцы показа, а теперь наоборот — богословцы рыбаки показа». Благодушные его простирались на самую советскую власть. В то время всем давались равные сроки: и выдающемуся архиерею, и молодому иеромонаху, снявшему орарь с диакона-обновленца. «Любостив босый Владыка, — говорил по этому поводу архиепископ Иларион, — приемлет последнего, якоже и первого; упокоевает в единонадесятый час пришедшего, якоже делавшего от первого часа... И дела приемлет, и намерение целует, и деяние почитает, и предложение хвалит» [45].

Архиепископ Иларион на все смотрел духовными очами и воспринимал Соловецкий лагерь как суровую школу добродетелей. Духовенство обкрадывается и обирается — есть повод воспитывать в себе нестяжание; оскорбляют, обижают, бьют — смирись, возлюби обидчика. Б. Ширяев в книге «Неугасимая лампада» свидетельствует о том, что владыка Иларион, рискуя жизнью, спас военкома Сухова, погибавшего в баркасе среди весеннего льда. Этот лагерный начальник отличался особой жестокостью по отношению к заключенным. Владыка исполнил заповедь Христову о любви к врагам [46].

Архипастырь не гнушался общения даже с уголовниками. Внимание и интерес его к каждому человеку были поразительными. По словам отца Михаила Польского, за формой веселости и даже светскости можно было постепенно усмотреть детскую чистоту, великую духовную опытность, доброту и милосердие, высокое нравственное совершенство. Его обыкновенный вид скрывал от людей внутреннее делание. Он был решительным врагом всякого лицемерия и показного благочестия. Под руководством святителя духовенство получало огромный опыт, потому что он сам своим примером показывал, что значит смиряться.

После смерти Святейшего Патриарха Тихона власти снова вознамерились расколоть Церковь. Была подобрана

Архиепископ Иларион, Соловецкий лагерь.

группа иерархов во главе с архиепископом Екатеринбургским Григорием (Яцковским). С целью привлечения к расколу архиерея, обладающего беспорным авторитетом, летом 1925 года из Соловецкого лагеря архиепископа Илариона перевели в Ярославль, в политический изолятор «Коровники». Об этом времени святитель вспоминал как о самом светлом периоде долгой неволи. Находясь в отдельной камере, он мог заниматься научной работой, читать любые книги, вести переписку. В известных ныне его письмах поражает смирение и великая благодарность Богу за все дарованное ему, за скорби и за радости. «Словом, у меня настроение и духовное содержание жизни такое же, как было пятнадцать лет назад. Не хватает одного — академической библиотеки! Будь академическая библиотека, я бы попросил здесь приюта не до конца этого года, а по крайней мере до конца этого десятилетия. Что же поделаешь, если место для науки, интересной и важной для меня, только в тюрьме? Я тут не вино-

ват ни в чем... Ведь вот как устраивает Господь (через ОГПУ) жизнь мою: живу без нужды и без забот вот уже четыре года. Только и думаешь, какие и как книги достать. И это по моим указаниям добрые люди успешно исполняют... Вот и все мои заботы! А беззаботность — это для меня самое милое дело! Всех поцелуй и всем расскажи, как я нашел свою судьбу в тюрьме!» [47]. Вместе со святым Иоанном Златоустом златоустый российский святитель донес до близких ему людей свою сердечную мысль: «Слава Богу за все».

В Ярославле с владыкой Иларионом дважды беседовал Е. А. Тучков. Первая встреча была малосодержательной, поскольку архиепископ сослался на неосведомленность в церковных делах последних лет. Во второй раз Тучков вызвал владыку в тюремную канцелярию и обещал свободу с условием поддержки григорианцев. На это архиепископ Иларион ответил, что ему сначала необходимо переговорить с ними. Далее речь зашла об организации Высшего Церковного Управления. Владыка согласился, что оно необходимо, однако не должно ни в малейшей степени напоминать ВЦУ обновленцев. Это Церковное Управление может быть только временным, до созыва Собора, должно действовать с согласия Патриаршего Местоблюстителя и епископата и укреплять единство Церкви. По предложению Тучкова владыка Иларион составил «декларацию», в которой изложил свои взгляды на церковные нужды того времени. Мысли архиепископа совершенно расходились с планами Тучкова. Владыка отверг григорианский раскол, оставался непримиримым к обновленцам, предлагал представителям власти сотрудничать с Церковью на основе независимости Церкви от государства. Тучков же хотел полностью подчинить Церковь властям и в конце концов потребовал от владыки Илариона сотрудничества с ОГПУ в качестве осведомителя. На это архиепископ ответил резким, категорическим отказом. Тогда сотрудник ГПУ сказал: «Приятно с умным человеком поговорить... А сколько вы имеете срока на Соловках? Три года?! Для Илариона три года! Так мало?!» [48].

*Архиепископ Иларион,
Соловецкий лагерь.*

После этого владыка был возвращен на Соловки. В пересыльный лагерь на Поповом острове владыка Иларион прибыл незадолго до Пасхи 1926 года. Пасхальная заутреня была совершена втайне от лагерного начальства в недостроенной пекарне архиепископом Иларионом, епископом Нектарием (Трезвинским) и священником Павлом Чехрановым. Отец Павел вспоминает: «Весь барак спал. Я вышел. На линейке меня ожидал владыка Нектарий. Вскоре к нам присоединился владыка Иларион, и мы гуськом тихо направились к задней стороне ба-

раков. За дорогой стоял остов недоконченной пекарни с отверстиями для окон и дверей. Мы прошмыгнули к нему по одиночке. Оказавшись внутри здания, выбрали стену, более укрывавшую нас от взора проходящих по дорожке, и плотнее прижались к ней; слева — владыка Нектарий, посредине — владыка Иларион, а я — справа.

— Начинайте, — проговорил владыка Нектарий.

— Утреню? — спросил владыка Иларион.

— Нет, все по порядку, с полунощницы, — ответил владыка Нектарий.

— Благословен Бог наш... — тихо произнес владыка Иларион.

— “Волною морскою...” — запели мы полунощницу.

И странно, странно отзывались в наших сердцах эти с захватывающим мотивом слова: “...Гонителя, мучителя под землею скрывша...” И вся трагедия преследующего фараона в этой особенной обстановке чувствовалась нашими сердцами как никогда остро. Белое море с белым ледяным покровом, балки для пола, на которых мы стояли, как на клиросе, страх быть замеченными надзором. А сердце дышало радостью, что пасхальная служба совершается, вопреки строгому приказу коменданта.

Пропели полунощницу. Архиепископ Иларион благословил заутреню.

— Да воскреснет Бог и расточатся врази Его... — не сказал, а прошептал, всматриваясь в ночную мглу, владыка Иларион.

Мы запели “Христос воскресе!”. «Плакать или смеяться от радости?» — думал я. И так хотелось нажать голосом чудные ирмосы! Но осторожность руководила нами. Закончили утреню.

— Христос воскресе! — сказал владыка Иларион, и мы все трое облобызались. Владыка Иларион сделал отпуст и ушел в барак» [49].

Когда открылся водный путь, архиепископа Илариона отправили на Соловецкий остров. В условиях неволи владыка по-прежнему ощущал себя православным иерархом, ответственным за положение Церкви, за свою паству. В июле 1926 года архиепископ Иларион выступил как один из участников «Соловецкого послания» — декларации находившихся в Соловецком лагере православных епископов, написанной по благословию архиепископа Евгения (Зернова). В этом обращении, выдержанном в духе лояльности, епископы предлагали свое решение многих проблем церковногосударственных отношений, не избегая самых острых вопросов.

О беседах с владыкой будущий известный писатель Олег Волков писал: «Преосвященный встречал нас радуш-

но. В простоте его обращения было приятие людей и понимание жизни. Даже любовь к ней. Любовь аскета, почитавшего радости ее ниспосланными свыше. Мы подошли к его руке, он благословил нас и тут же, как бы стирая всякую грань между архиепископом и мирянами, прихватил за плечи и повлек к столу...» Волкову запомнились слова владыки: «Надо верить, что Церковь устоит, без этой веры жить нельзя. Пусть сохраняются лишь крошечные, еле светящиеся огоньки, когда-нибудь от них все пойдет вновь. Без Христа люди пожрут друг друга» [50].

После окончания трехлетнего срока заключения в ОГПУ нашли, что «...гражданин Троицкий, находясь в ссылке, не прекратил контрреволюционной работы и является социально опасным элементом». 19 ноября 1926 года Особое Собрание при Коллегии ОГПУ приговорило владыку к трем годам заключения на Соловках. Его обвинили в «разглашении государственной тайны», так как владыка рассказывал о попытке вербовки его агентом ОГПУ. Прибыв

Архиепископ Иларион, Соловецкий лагерь.

на Соловки, владыка шутил: «На повторительный курс остался», а своим архангелогородским помощникам писал, что совсем сроднился с Севером.

В следующем году в Русской Православной Церкви возникло новое разделение в связи с появлением «Декларации Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского)» от 29 июля 1927 года. Владыка Иларион в современных ему событиях видел апокалиптический смысл. В письме к Н. Н., написанном в день Казанской иконы Божией Матери, 22 октября 1927 года (ст. ст.), говорится: «...Не проходят ли перед нами события, невольно приводящие на память духовные созерцания Нового заветного Тайновидца?.. Вопреки декрету об отделении Церкви от государства, Православная Церковь вступила в тесный, живой союз с государством. И с каким государством?! Возглавляемым не Православным Царем, а властью, которая основной задачей своей поставляет уничтожение на земле всякой религии, и прежде всего Православного Христианства... Как же нам быть в эти страшные минуты новой опасности, надвинувшейся по наущению вражьему на нашу Мать, Святую Православную Церковь? Как быть, чтобы не выпасть из Ее благодатного, спасительного лона — и не приобщиться нечестию богохульного зверя и сидящей на нем блудной жены?.. Трудность настоящего времени для православного человека состоит, между прочим (если не главным образом), в том, — записано мною в тетрадь под 1 (14) января 1925 года, — что теперешняя жизнь Церкви требует от него высокодуховного отношения к себе. Нельзя полагаться на официальных пастырей (епископов и иереев), нельзя формально применять каноны к решению выдвигаемых церковной жизнью вопросов, вообще нельзя ограничиваться правовым отношением к делу, а необходимо иметь духовное чувство, которое указывало бы путь Христов среди множества троп, протоптанных дивными зверями в овечьей одежде. Жизнь поставила вопросы, которые правильно, церковно правильно, возможно разрешить, только перешагивая

Архиепископ Иларион, Соловецкий лагерь.

через обычай, форму, правило и руководствуясь чувствами, обученными в распознавании добра и зла. Иначе легко осквернить святую душу своей и начать сжигание совести (см.: 1 Тим. 4, 2) через примирение, по правилам, с ложью и нечистью... Пока не ставлю точки над “i”. Пусть поставит ее время, а точнее сказать — Владыка времен! Он же да сохранит нас, как от легкомысленной поспешности, так и от преступно равнодушной медлительности в том страшно ответственном положении, в которое мы поставлены Промыслом Божиим!» [51].

Истинный путь владыка Иларион нашел через усиленное искание воли Божией, напряженную молитву, глубокое проникновение в слова Священного Писания и творений святых отцов древнего и нового времени, отвержение всех личных пристрастий. Он поддерживал миротворческий дух среди «соловецких» епископов, умея мудро выделить в политике митрополита Сергия самое существенное и сделать

из этого правильные выводы. В отклике на декларацию митрополита Сергия «соловецкий» епископат, «отвергнув отдельные положения декларации, в принципе согласился с его общей политикой» [52].

Мудрость и авторитет архиепископа Илариона сумели развеять сомнения соловецких епископов относительно действий Заместителя Патриаршего Местоблюстителя в ситуации с митрополитом Петроградским Иосифом (Петровых). Митрополит Иосиф не имел возможности жить в Ленинграде и управлять епархией, так как въезд в город ему был запрещен советской властью. По этой причине он был переведен на Одесскую кафедру, но не подчинился решению Синода, что стало поводом к расколу среди паствы.

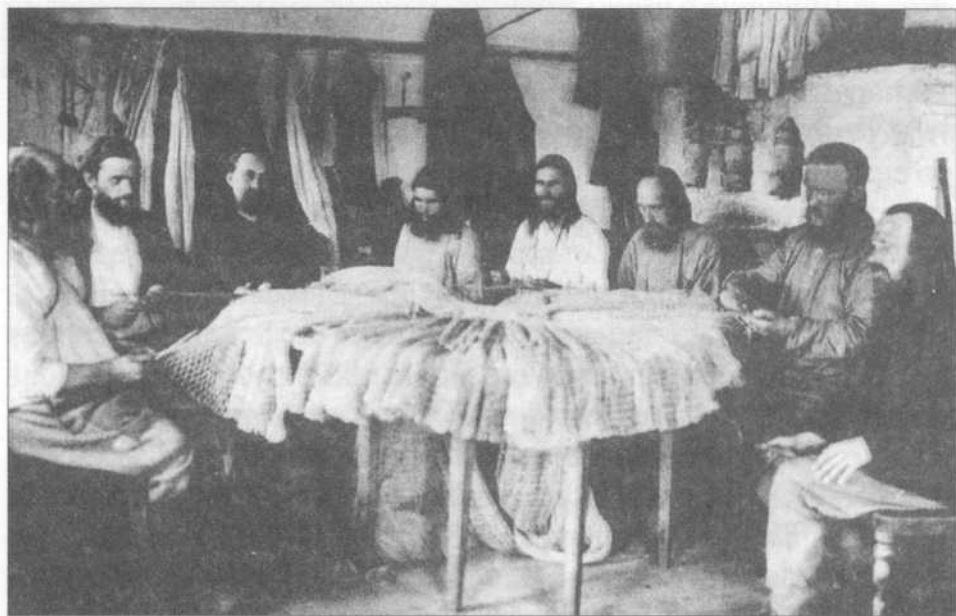
Митрополит Мануил (Лемешевский), союзник владыки Илариона, пишет: «В ноябре 1927 года некоторые из соловецких епископов начали было колебаться в связи с иосифлянским расколом. Архиепископ Иларион сумел собрать до пятнадцати епископов в келье архимандрита Феофана, где все единодушно постановили сохранять верность Православной Церкви, возглавляемой митрополитом Сергием. “Никакого раскола! — возгласил архиепископ Иларион. — Что бы нам ни стали говорить, будем смотреть на это как на провокацию!”» [52].

В письмах знакомым архиепископ Иларион резко порицал позицию раскольников и напоминал им безгласие епископата в синодальные времена, когда перевод на другие кафедры был обычным явлением. По мнению владыки, отделение от митрополита Сергия — «преступление, по условиям текущего момента весьма тяжкое» [52]. «...Все, касающееся внешнего права Церкви (то есть касающееся отношения к государственной политике и подобному), никогда не должно быть предметом раздора. Я ровно ничего не вижу в действиях митрополита Сергия и Синода его, что бы превосходило меру снисхождения или терпения» [52].

В 1928 году на Соловки сослали епископа Глазовского Виктора (Островидова), возглавлявшего в Вятской епархии

отпавшие от митрополита Сергия приходы. Архиепископ Иларион возложил на себя нелегкую миссию переубеждать оппозиционного архиерея. «При всяком удобном случае он беседовал с преосвященным Виктором, несмотря на то, что тот яростно противился его доводам и продолжал пребывать в заблуждении... Но как ни трудно было архиепископу Илариону, он, с Божией помощью, все же достиг желанного вразумления. Это произошло, вероятнее всего, в начале 1929 года. Согласившись, наконец, с «соловецким» епископатом, епископ Виктор присоединился к митрополиту Сергию, сообщил об этом в Вятскую епархию и сделал ей соответствующее распоряжение» [52]. Епископ Виктор (Островидов), примиренный с Церковью, почил о Господе в ссылке на Севере 19 апреля (2 мая) 1934 года. Архиерейским Собором 2000 года причислен к лику новомучеников.

В 1929 году заканчивался еще один трехлетний срок заключения архиепископа Илариона. Рядом были друзья, такие, как архиепископ Херсонский Прокопий (Титов), но

Архиепископ Иларион, Соловецкий лагерь.

все же несвобода ощущалась владыкой остро. Серьезные научные занятия были невозможны. Условия заключения с каждым годом ужесточались. «В то время на Соловках жили шестьдесят вольных соловецких монахов из братии уничтоженного Соловецкого ставропигиального монастыря, — повествует в книге «Мои воспоминания» архимандрит Феодосий (Алмазов). — Остались, главным образом, старики, у которых в миру не было уже родных, к которым они могли бы поехать на жительство. УСЛОН отвел им кладбищенскую церковь святого Онуфрия Великого для богослужения. Туда ходили молиться заключенные — духовные и миряне... Богослужение совершалось по Уставу ежедневно. Пел хор заключенных, и иногда, в праздники, настолько хорошо, что многие рыдали». Владыка Иларион обычно пел с монахами на правом клиросе. «Литургию служили в праздники обычно три—семь епископов. В 1927 году все заключенные, не “шпана”, свободно ходили в церковь, правда по особым спискам, но они не контролировались... Потом списки стали урезываться. Потом в списках можно было писать только духовных лиц, а мирян вычеркивали, и хор почти распался. Потом в церковь (Великий пост 1928 года) стали водить только парами, под конвоем с особым счетом. В Пасху 1928 года из Кремля желающих помолиться выпустили после большого скандала, устроенного перед старостатом. Потом духовенству запретили служить и разрешили только молиться. Потом стало еще хуже...» [53].

В это время архиепископ писал родственнице: «Выкинут я стихией на далекий остров. Но сожаления я стараюсь не растравливать в душе моей, на окружающее стараюсь не обращать внимания, а жизнь наполнять тем, чем можно. И так за долгие годы привык, и живу не тужу. На лучшее не надеюсь, от худшего не отрекаюсь. Какова есть о мне воля Божия — так пусть и будет» [54].

14 октября 1929 года Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ архиепископ Иларион был приговорен к трем годам ссылки в Казахстан, в Каракалпакию. Владыку повезли

Архиепископ Иларион, 1929 г.

этапным порядком — от одной пересыльной тюрьмы до другой. Эта дорога стала для него путем в иные вечные селения. Вскоре по прибытии на материк его обокрали и в Ленинград привезли уже заболевшим сыпным тифом. Владыка прибыл в пересыльную тюрьму «Кресты» 21 ноября (4 декабря), в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. 6(19) декабря его перевели в тюремную больницу имени Гааза.

Митрополит Серафим (Чичагов) пытался ему помочь, но

это было уже невозможно. Владыка Иларион был без сознания. Незадолго до кончины ему стало легче. Из больницы он писал родственникам: «Я тяжело болен сыпным тифом... в субботу, 15 декабря, решается моя участь (кризис болезни), вряд ли перенесу» [55].

Когда ему в больнице заявили, что его надо обрить, владыка сказал: «Делайте со мной теперь что хотите». По рассказу М. Ф. Анфимовой, дочери последнего протодиакона Воскресенского Новодевичьего монастыря, перед смертью владыку Илариона напутствовал и причастил Святых Христовых Таин келейник митрополита Петроградского Серафима (Чичагова) иеромонах Никандр. К владыке подошел врач и

поспешил заверить, что кризис миновал, на что владыка ответил: «Как хорошо, теперь мы далеки от...» Эти слова были последними словами праведника.

15 (28) декабря 1929 года, в 4 часа 20 минут утра, последовало блаженное преставление священномученика Илариона ко Господу [56].

Митрополит Серафим испросил для погребения тело почившего архипастыря. Ночью грубо сколоченный гроб выдали родственникам. Святителя было невозможно узнать. В гробу лежал изможденный старец с обритой головой... Священномученику было сорок три года. Митрополит Серафим принес свое белое облачение, белую митру. Тело владыки положили в другой, лучший гроб.

Власти поставили условие, чтобы не было никакой торжественности при погребении. Отпевание было совершено в Воскресенском соборе Новодевичьего монастыря. Митрополит Серафим (Чичагов), архиепископ Хутынский Алексей (Симанский), епископ Лужский Амвросий (Либин) и епископ Лодейнопольский Сергей (Зенкевич) молились в алтаре, а само отпевание совершал епископ Николай (Ярушевич) [57].

Надгробные речи были запрещены, но владыка Николай прочитал заповеди блаженства так, что все присутствовавшие рыдали. Каждая из этих заповедей была исполнена святителем, о чем свидетельствует все его житие. И вот, исполнив все назначенное ему от Господа, святитель с сонмом новомучеников и исповедников Российских из горних обителей слушал молитву Церкви воинствующей: «Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех».

На отпевание и погребение стихийно пришло несколько тысяч верующих жителей города. Храм не мог вместить и малой части желающих проститься с владыкой Иларионом. Народ заполнил весь монастырский двор и прилегающее кладбище. Архипастырь, по особому Промыслу Божию закончивший свой земной путь именно в северной столице, стал предстателем и молитвенником и за петербургскую паству.

В своем письме близкий друг владыки Илариона, бывший на его отпевании, протоиерей Владимир Страхов вспоминает: «...Перед гробом стали четыре головщика в облачениях диаконов... и вдруг они запели басами «Блажени непорочнии в путь ходящии». Меня до глубины души тронуло, вспомнил старорусское отпевание, кончилось в 4 часа... Подняли мы гроб на свои плечи, останки дорогого нашего архипастыря, несли на кладбище Новодевичьего монастыря, а впереди шли певчие, которые пели: «Помощник и Покровитель бысть мне во спасение, Сей мой Бог и прославлю Его». Дошли до могилы, поставили гроб, отслужили последнюю литию... Архиепископ Амвросий взял первым комок земли и первым бросил на гроб, сказав: «Господня земля и исполнение ея, вселенная, и вси живущии на ней» и дальше... Когда мы возвращались, то колокола так торжественно трезвонили... О чем они веселятся? И тут же я вспомнил слова: «Господня земля и исполнение ея...» А дальше: «Той на морях основал ю есть, и на реках уготовал ю есть. Кто въздет на гору Господню? Или кто станет на месте святем Его? Неповинен рукама и чист сердцем, иже не прият всеу душу свою, и не клятся лестию искреннему своему. Сей примет благословение от Господа, и милостыню от Бога, Спаса своего». Вот о чем торжествовали колокола. Архиепископ Иларион был таков, что он никогда не льстил лестию ближнему своему, значит, он принял благословение от Господа» [58].

В свои двадцать шесть лет будущий священномученик написал, что научился «с особенной любовью и сердечным волнением читать из Помянника молитву о Церкви: “В первых помяни, Господи, Церковь Твою Святую, Соборную и Апостольскую, юже снабдел еси честною Твоею Кровию, и утверди, и укрепи, и расшири, умножи, умири, и непреобориму адовы враты во веки сохрани; раздирания церквей утиши, шатания языческа яугаси, и ересей востания скоро разори и искорени, и в ничтоже силою Святаго Твоего Духа обрати”» [59].

Могила священномученика архиепископа Илариона на кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря — одно из немногих известных мест погребения новомучеников и исповедников Российских — стала местом паломничества почитающих святой их подвиг. Известно, что митрополит Алексей (Симанский) и его преемники на кафедре заботились о поддержании должного благолепия этой скромной могилы. Благочестивые рабы Божии прилагали свои труды в память о владыке Иларионе.

У могилы архиепископа Илариона.

8—9 апреля 1998 года в Москве под председательством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II состоялось очередное заседание Священного синода Русской Православной Церкви. Священный синод постановил передать на решение Архиерейского собора вопрос о канонизации архиепископа Илариона (Троицкого) в лике новомучеников и исповедников Российских для общецерковного почитания. 24 июля того же года по благословению митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира, на Новодевичьем кладбище Санкт-Петербурга, были обреты святыне мощи новомученика и при пении пасхального канона и стихир Пасхи положены в храме Казанской иконы

Божией Матери, возобновленного Воскресенского Новодевичьего монастыря.

В 1999 году мощи священномученика Илариона были перенесены из Петербурга в Москву. 9 мая Божественную литургию в Казанской церкви Новодевичьего монастыря возглавил митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир в сослужении московского и петербургского духовенства. При стечении всего православного Петербурга был совершен крестный ход со святыми мощами вокруг храма. В тот же день мощи были доставлены в Московский Сретенский монастырь. По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II 10 мая в Сретенском монастыре состоялось прославление священномученика Илариона, архиепископа Верейского, как местночтимого святого до общецерковной канонизации на ближайшем Архиерейском соборе.

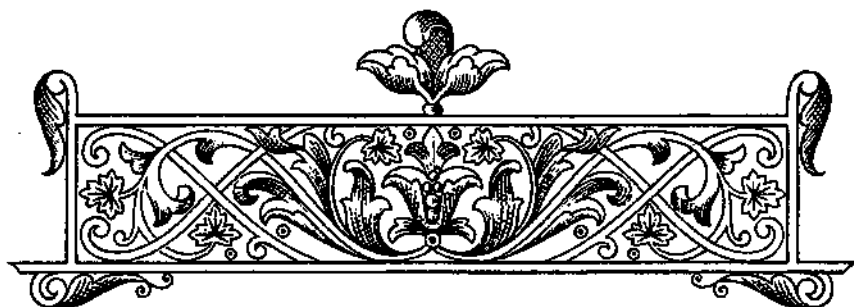
Архиерейский собор Русской Православной Церкви, состоявшийся в Москве 13—16 августа 2000 года, канонизировал священномученика Илариона, архиепископа Верейского, для общецерковного почитания в сонме новомучеников и исповедников Российских. Память его Церковь празднует в первое воскресенье после 25 января (7 февраля) — Собор новомучеников и исповедников Российских, 15 (28) декабря — преставление священномученика Илариона, 28 апреля (10 мая) — прославление его в лике местночтимых святых. В храме Казанской иконы Божией Матери Воскресенского Новодевичьего монастыря в Санкт-Петербурге находится часть мощей священномученика Илариона, его архиерейское облачение, панagia, крест, Евангелие, четки.

Движимый сыновней любовью к Матери-Церкви, архиепископ Иларион проходил на земле свой крестный путь исповеднического служения, а ныне ходатайствует перед Престолом Всевышнего о сохранении Русской Православной Церкви, непреоборимой адовыми вратами. Обращаясь с молитвой к священномученику Илариону, православные укрепляются в верности Матери-Церкви, получают силы

для усердного и радостного совершения церковного служения, испрашивают разумение божественных догматов. Предстательством святого разрешаются проблемы в отношениях с властями, исцеляются телесные недуги.

К нам ныне обращены слова святителя: «Для излечения разъедающих душу русскую ран необходимо раскаяться в... грехе против Церкви, возвратиться к вере отцов и дать Православной Церкви прежнее место в жизни государственной и общественной» [60]. Мы же ныне вознесем к нему наше моление: «Святой священномучениче и исповедниче Иларионе, моли Бога о нас!»

Тропарь, глас 4:

Воине Христов Иларионе,/
 славо и похвало церкви русския,/
 пред гибнущим миром Христа исповедал еси,/
 кровью твою церковь утвердися,/
 разум Божественный стяжал еси,/
 людем верным возглашаше:/
 без церкви нет спасения.

Кондак, глас 1:

Иларионе,
 священномучениче Христов,/
 служителей грядущаго
 антихриста не убоился еси,/
 Христа мужески исповедал еси,/
 за церковь Божию живот твой положи./
 Красо новомученик российских,/
 Руси Святыя похвало,/
 ты церкви нашея славо и утверждение.

Величание:

Величаем тя,
 Святый священномучениче Иларионе,
 и чтим честная страдания твоя,
 яже за Христа претерпел еси.

Кирьянов Н. Б.

Памяти архиепископа Верейского
Илариона

*Упокой, Господи,
душу усопшаго раба Твоего...*

Испуганным голосом сердце вскричало,
Ворвавшись надсадой в метелистый гам:
Не моя ли любовь лебединым причалом
Всегда приставала к твоим берегам.

Не нам ли с тобой улыбались сполохи,
Посланники верные северных стуж.
Птенец-недокормыш сиротские вздохи
Недаром просыпал в сосновую глушь.

Я словно отшельник в суровом затворе
Слезой неумемной спалил рукава.
Припомнились мне соловецкие зори,
Бросавшие в море цветные слова.

Тебе я хвалился стиховой обновой,
Из песенных ульев ты черпал мой мед.
О, белые ночи, о, лов окуневый,
Морошковый праздник — убранство болот.

Должно быть, ты помнишь, как старец Назарий
В березовой тоне нас потчевал семгой,
Как сосны пылали в осеннем пожаре
И я уходил за плечами с котомкой.

Олени страшились всегда гидроплана,
В глубокую чашу стремился их след.
Не мы ли с тобой так восторженно рано
Своим славословьем встречали рассвет.
Чудные тюлени боялись мотора,
Бензинного запаха, алых огней.
Не к нам ли с тобой с золотого дозора
Заря приходила родимой родней.

И вереск лиловый нам под ноги стлался,
Он был нам дороже бухарских ковров...
И я восхищался, и я восторгался,
Смирняя молитвой мятежную кровь...

Теперь моя радость причалила к устью,
Беззвонной обедней скучает село...
Рыбацкую смелость подернуло грустью,
Волной беломорской разбило весло.

Ушел от меня ты на раннем закате,
До дна не истратил кипучести сил...
Не нас ли с тобой преподобный Савватий
За Светлой Заутреней лаской кропил...

Два старца, слюбившись, в Зосимовы дали
Молитвенно плыли на новой ладье...
В последнюю осень все чайки рыдали,
Прощаясь с утехой в озерной воде.

Простились и мы у забытой часовни.
А грудь подсказала: «прощанье навек»...
Лечь бы с тобой, как с отцом, по-сыновьи,
В голубом стихаре под серебряный снег...

Задумался Анзер, и Муксульма тоже
В брусничном пространстве теряет свой взор.
Ушел от меня ты с земных бездорожий
От горького подвига в Божий Собор...

Ну разве ты думал, ну разве мы мнили,
 Что так изменится любовь и цветы.
 Нева и граниты тебя приютили;
 Надежная встреча: тот город и ты.

Узнав про утрату, Ока затужила,
 Зеленые Липицы взвыли тоской,
 И ангел пропел над родимой могилой:
 «За крестным страданьем — блаженный покой».

Все сердце исходит большими слезами,
 Закуталась в схиму орлиная мысль...
 Прими мою душу на вечную память
 В свою светозарно-безбрежную высь...

Прими мою душу, как птицу и зорю,
 Под саккос своей необъятной любви.
 И грешного странника в вечном просторе
 Трепещущим словом опять обнови...

Я в сумрак повергнут и в холод железный,
 Ищу, где кончаются скорби концы.
 Возьми от скитаний, прими от болезней
 Под ноги твои расстилать орлецы...

1929 год

Стихотворение написал иподиакон архиепископа Илариона Николай Борисович Кирьянов, разделивший с владыкой скорби соловецкого заточения. Впоследствии стихотворение имело хождение в списках, которые перепечатывала Любовь Тимофеевна Чередова, лично знакомая с автором. Любовь Тимофеевна, духовная дочь священномученика Илариона, сохранила преданность и необычайное духовное единение с владыкой Иларионом до конца своих дней. Любовь Тимофеевна никогда не сомневалась в его святости и молила Господа дожить ей до того дня, когда совершится прославление ее любимого аввы.

В 1998 году Любви Тимофеевне шел уже сто второй год. Но ее великолепной памяти и ясности ума могли позавидовать и молодые. Сретенский монастырь опекал самую старую свою прихожанку: пока позволяло здоровье, она посещала монастырские службы, когда же силы стали оставлять ее, священники монастыря со Святыми Дарами стали ездить к ней домой. И вот однажды, когда наместник Сретенского монастыря причащал Любовь Тимофеевну, он сообщил ей радостную весть: близится церковное прославление владыки.

«Я знала, что не умру, пока не узнаю этого!» — сказала Любовь Тимофеевна. Это было похоже на евангельское «Ныне отпускаеши...». Через несколько дней она мирно отошла ко Господу.

Отпевали Любовь Тимофеевну в соборе Сретенского монастыря в приделе Иоанна Предтечи, только что отреставрированном и в котором, в преддверии канонизации священномученика Илариона, на столбце Царских врат уже была написана икона духовного отца новопреставленной. В 1929 году она, одна из немногих, была на отпевании владыки в Ленинграде. Теперь, в день ее отпевания, священномученик Иларион, своей иконой, провожал духовную дочь в путь всея земли.

11 февраля 1998 года около 11 часов дня, в самый день и час отпевания Любви Тимофеевны, в Новодевичьем монастыре (в Москве) на заседании Комиссии по канонизации святых было принято окончательное решение о причислении к лику святых священномученика Илариона. Когда об этом радостном известии по телефону сообщили в Сретенский монастырь, гроб с телом духовной дочери владыки Илариона под колокольный звон уже выносили из собора» [61].

Свидетельства о благодатной помощи священномученика Илариона

«2 июня 1998 года я, Ключникова Г. Н., и мой крестник, Орлов Алексей, пришли в храм Казанской иконы Божией Матери Новодевичьего монастыря. Нас встретил отец Евгений, мы рассказали батюшке о нашем горе. Отрок Алексей родился в 1982 году в нашем городе. Мать одна растила его. Она сама выросла после войны в детском доме, была очень трудолюбивая и застенчивая, никогда не просила на работе ничего для себя. Сорок лет проработала на стройке маляром, а умерла в коммунальной квартире, комната 11 кв. м, в 1995 году. Царство Небесное Любви, матери Алеши. Она все тринадцать лет не получала пособия на сына, стеснялась, и мальчик не был даже прописан, хотя ходил в ясли и учился в школе. Перед смертью Люба попросила окрестить Алешу. Господь совершил чудо, и мальчика прописали за три дня до ее смерти, в 1995 году, с большими трудностями. В 1998 году Алеше исполнилось шестнадцать лет. Мы обратились в милицию, чтобы получить паспорт. Получили отказ, так как не было гражданства. Пошли в организацию, которая оформляет гражданство по заявлению опекуна (я опекун Алеши). Нам объяснили, что Российская Федерация образовалась в 1992 году, и кто не был прописан на тот момент, не является гражданином России. Принесли справки из школы, яслей, и нужно было еще его, Алеши, за-

явление о Российском гражданстве, заверенное нотариусом. Тут началось наше хождение по мукам. Мы обошли все нотариальные конторы, но везде получили отказ, так как без паспорта заявление Алеши не заверяют. Заявление же нам нужно, чтобы получить паспорт. Заплакали мы оба, и отец Евгений посоветовал нам пойти к Божьему угоднику, владыке Илариону. Добрые люди проводили нас на могилку архиепископа Илариона. Алеша очень переживал, так как помнил трудности с пропиской его. После теплой молитвы со слезами на могилке Божьего угодника мы пошли в храм и попросили послушание (потрудиться во славу Божию). Помыли полы на хорах. Алеша скоблил цемент на полу. Сестры пригласили нас в трапезную. Домой мы возвращались усталые от хождения, но успокоенные сестрами и с большой надеждой на милость Господа по молитвам владыки Илариона. Утром раненько поехала в ОВИР сказать, что нет заявления. И каково же было наше удивление, когда нам сказали, что нас ждут и есть один нотариус, который нам поможет. Радости не было конца, мы сдали все документы и приехали к архиепископу Илариону на могилку, чтобы поблагодарить владыку. Дивен Бог во святых Своих».

«Зимой 1996/97 года я с моим полуторогодовалым ребенком молился на могилке архиепископа Илариона, — говорит Михаил М. — Молитва состояла из Трисвятого по Отче наш, тропаря Новомученикам Российским и Достоинно есть. После молитвы ребенок преобразился. Стал как бы сиять и начал ходить вокруг могилки и целовать крестик могильный. Это поистине было чудно и неожиданно».

Раба Божия Галина рассказала: «Накануне Пасхи, в Страстную Пятницу 9 апреля 1999 года, меня вызвали в налоговую инспекцию и поставили перед фактом, что я должна заплатить государству (“кесарю”) огромную сумму — 8300 рублей за комнату, которую подарил во славу Божию раб Божий Владимир моим детям и внукам-сиротам. Инспекторы сочувствовали нам, но они даже прямо сказали, что никто нам не поможет... Всякий дар есть свыше. Господь

очень любит детей и все дает нам ради детей, поэтому я все упование возложила на Господа. По дороге домой я заехала в храм Казанской иконы Божией Матери Новодевичьего монастыря к владыке Илариону и все рассказала и просила его святых молитв ко Господу. Сестры приложили к мощам владыки эти мои документы. В то время я стала как мертвая и, не сказав детям об этом искушении, бежала из дома, где одни скорби. Светлое Христово Воскресение я встречала далеко от дома, в храме святителя Николая. В скорби провела всю Великую субботу, и когда услышала слова “Радуйтесь!”, надеялась, что воскресший Господь спасет меня, но вера оставила меня. Враг человечества вошел в мое сердце, и я, окаянная, одержимая страстями, омрачила Светлое Христово Воскресение и по своему жестокосердию гневалась на ближних своих. Прости, прости меня, Господи. На празднике “Живоносный источник” я исповедалась старцу и поехала домой (через неделю после известия). Какова же была радость встречи с детьми и внуками, которые хорошо встретили Воскресшего Господа: во-первых, вместе были и сыты были, они не знали, что нужны деньги на налог; во-вторых, продали гараж, который два года не могли продать. По молитвам владыки Илариона Господь послал человека — и в один день всё оформили и получили деньги, которых хватило отдать долги людям и заплатить подать “кесарю”».

Рабу Божию Фаину перестала беспокоить грыжа после того, как болящая помазалась маслом из лампы у мощей священномученика Илариона в марте 1999 года.

«Я, раба Божия Людмила, помогла женщине в метро нести тяжелые сумки, и неожиданно резкая боль удивила меня. Приехав домой, я почувствовала сильные боли в спине, а на следующий день и всю последующую неделю я ходила “по стенке”, даже сложно было повернуться во время сна. Я очень расстраивалась, так как летом собиралась выезжать с детьми на послушание во славу Божию в монастырь. Промыслом Божиим позвонила верующая и сказала о святых мощах священномученика Илариона и о том, что в

воскресный день, 9 мая 1999 года, их торжественно увозят в Москву.

В пятницу, оставив дела, я с детьми приехала в Новодевичий монастырь на поклонение и приложилась к мощам. О своем исцелении я не просила, напротив, я как-то растерялась, когда подошла к мощам. Мы отстояли службу вечернюю, с которой я едва дошла до дома, поддерживаемая под руку детьми. Боль была очень сильная, но было странное ощущение легкости.

В воскресный день я с детьми приехала на торжественную службу. Отстояли литургию, крестный ход. На душе радость была необыкновенная. Много душевных волнений мы пережили в этот чудный день. Я купила маленькую книжечку с ликом святого Илариона. С праздником на сердце мы возвращались домой. Только мы отошли от монастыря, как вдруг я почувствовала полное исцеление спины. Меня охватила такая радость, что я стала целовать лик святого, креститься и кланяться. Вместе со мной были счастливы и дети мои — доченька и сыночек. Благодарю Господа за исцеление меня, грешной и недостойной, по молитвам священномученика Илариона (Троицкого). Шарлан Л. Р.»

«Хочу рассказать о чудесной помощи святого священномученика Илариона (Троицкого) мне, недостойной рабе Божией Надежде. Я долгое время (около десяти лет) была под наблюдением врача окулиста (поликлиника ВЦСПС, врач Рудык Л. Д.). Все эти годы относилась к группе риска, меня неоднократно показывали профессору офтальмологии из института МОНИКИ. И вот в 1998 году, в апреле месяце, при очередной консультации профессор офтальмологии Карецкая Ю. М. предложила мне срочно оперироваться по поводу глаукомы, но я отказалась из страха. И положила во всем на волю Божию, и стала усердно молиться Господу, Матери Божией, праведному Симеону Верхотурскому об исцелении моей души и глаз. Обещала Господу, что никогда не буду роптать и просить о помощи, какие бы мне ни были посланы болезни в будущем по моим грехам,

только бы Господь сохранил мне зрение. Время шло, зрение мое резко падало. Я не могла различать номеров транспорта, ценников в магазине, ногти на руках стригла на ощупь. В храме на расстоянии трех—пяти метров не узнавала знакомых священнослужителей. С лета 1999 года с трудом читала Псалтирь крупным шрифтом, с трудом читала в очках (плюс 3) при электрическом освещении в 100 Вт. Я была немного в унынии от своего упрямства и мысленно говорила: “Господи, Твоя воля”. К святым мощам святителя Илариона подходила с маловерием, холодно и редко. Но вот однажды, в июле 1999 года, после Божественной литургии, подойдя к мощам, подумала, что если он и вправду святой и прославлен во Святой Церкви, то он поможет мне. Попросила его, чтобы он умолил Господа о прощении моих грехов и исцелил мое зрение. Помолилась и забыла. Вечером, приехав на дачу, взяла в руки православный календарь — очков под руками не оказалось. И, о чудо! Вдруг ясно и четко увидела я строки и буквы текста, которые стала легко читать. Я не верила себе. Стала брать другие книги с разным шрифтом. Все читалось свободно и легко, без очков, при обычном электрическом освещении. Благодарю Господа и доныне читаю все необходимое мне без очков. В суете дней я, грешная, не придавала значения случившемуся со мной чуду. И только спустя неделю-две стала анализировать и искать причину исцеления. И вспомнила, как перед этим с надеждой приложила к мощам святителя Илариона. Господи, милость Твоя во век! И вот прошел почти год, и я пришла к врачу-окулисту (Л. Д.), она провела обследование и была удивлена результатом, а я спросила: “А как с операцией?” На что она с улыбкой ответила, что ни о какой операции речи быть не может. И спросила меня, чем я лечилась. Я ей рассказала истину, но ей пока это трудно понять. Благодарю Тебя, Господи, что послал мне преславного исцелителя — священномученика Илариона. Многогрешная раба Божия Надежда. Октябрь 2000 года, г. Москва».

«В сентябре 2001 года, — свидетельствует Татьяна Павловна Ильина, — я зашла в церковь в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы, чтобы поклониться обители, в которой родилась (в 1947 году здесь был роддом). От всей души я помолилась и подошла приложиться к ковчежцу с мощами святого владыки Илариона. Всею душой попросила его помощи и молитв обо мне, грешной, и о моих родных. Стояла я с закрытыми глазами, прислонившись челом к ковчежцу. Вдруг сквозь веки я увидела яркую вспышку света, открыла глаза и увидела, что на ковчег упал откуда-то сверху луч солнца, словно ответ на мои молитвы. Я купила иконочку с ликом священномученика Илариона.

Выйдя из храма, я села в трамвай. В трамвае я заняла место у окна, но какая-то сила все время гнала меня оттуда. Встав, я пересела. И вдруг в то окно, у которого я сидела вначале, с улицы кто-то выстрелил, и стекло разлетелось на мелкие кусочки, засыпав все и всех вокруг. Я возблагодарила владыку Илариона за избавление от возможного несчастья и теперь всегда ношу его иконочку с собой и прошу благословения при выходе из дома. Почитаю все случившееся за одно из чудес, которые происходят по молитвам святых ко Господу о нас, грешных».

Примечания

1. После революции Каширский уезд перешел в Серпуховской уезд Московской губернии. Точная дата и место рождения архиепископа Илариона указаны в «Богословском вестнике» № 4 за 1913 год в статье, посвященной постригу владыки.
2. Священномученик Иларион (Троицкий). Письма о Западе. В кн.: Без Церкви нет спасения.— М., СПб., 2000. С. 531–532.
3. Священномученик Иларион (Троицкий). Триединство Божества и единство человечества. Указ. изд. С. 408, 414.
4. Священник Г. Добронравов. Из академической жизни// Московские церковные ведомости. 1913, № 17. С. 328.
5. Священномученик Иларион (Троицкий). Да не будут тебе божи инии! (Слово в день празднования 95-й годовщины от основания Московской духовной академии). В кн.: Без Церкви нет спасения. С. 133.
6. Троицкий В. От Академии до Афона.— Сергиев Посад, 1914. С. 66.
7. Там же. С. 66.
8. Священномученик Иларион (Троицкий). Письма о Западе. В кн.: Без Церкви нет спасения. С. 477–478, 499.
9. Священномученик Иларион (Троицкий). О церковности духовной школы и богословской науки. Указ. изд. С. 362, 367.
10. Троицкий В. О необходимости историко-догматической апологии девятого члена Символа веры. В кн.: Архиепископ Иларион (Троицкий). Очерки из истории догмата о Церкви.— М.: «Православный паломник», 1997. С. 572.
11. Журнал собраний совета Московской духовной академии за 1912 г.
12. Письмо от 24 марта 1913 г. к Лидии Павловне Архангельской, двоюродной сестре архиепископа Илариона, и к ее мужу, священнику Леониду Архангельскому. Цит. по: Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 4.— Тверь: ООО Издательский Дом «Булат», 2000. С. 390.
13. Архиепископ Иларион (Троицкий). Единство идеала Христова. В кн.: Без Церкви нет спасения. С. 253, 261.
14. Епископ Феодор (Поздеевский). Речь при пострижении доцента Московской академии Вл. Троицкого, в монашестве Илариона// Богословский вестник. 1913, № 4.
15. Письмо к Архангельским, апрель 1913 г. Цит. по: Игумен Дамаскин (Орловский). Указ. соч. С. 390–391.

16. Цит. по: Игумен Дамаскин (Орловский). Указ. соч. С. 391.
17. Волков С. А. Последние у Троицы. М., СПб., 1995. С. 115–118.
18. Постников С. Воспоминания об Академии (1910–1915 гг.)// «Встреча», 1998, № 2.
19. Московские церковные ведомости. 1914, № 32. С. 584–586.
20. Съезд ученого монашества// Богословский вестник. 1917, № 7–8.
21. Волков С. А. Последние у Троицы. С. 115.
22. Архимандрит Иларион (Троицкий). Почему необходимо восстановить патриаршество? В кн.: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943гг./ Сост. М. В. Губонин.— М., 1994. С. 46.
23. Волков С. А. Последние у Троицы. С. 120.
24. Там же. С. 119.
25. Цит. по: Игумен Дамаскин (Орловский). Указ. соч. С. 403.
26. Там же. С. 403.
27. Письмо к Архангельским от 9 мая 1919 г. Там же. С. 403.
28. Цит. по: Игумен Дамаскин (Орловский). Указ. соч. С. 404–407.
29. Из писем к Архангельским от 23 марта и 20 сентября 1921 г. Там же. С. 408.
30. Окунев Н. П. Дневник москвича.— Париж, 1995. С. 446–447.
31. Волков С. А. Последние у Троицы. С. 116.
32. Из писем 1922 г. к Е. А. Воронцовой. Цит. по: Игумен Дамаскин. Указ. соч. С. 411.
33. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 286.
34. Акт об этом, как и многие другие документы 20–30-х гг., не сохранился. Однако владыка, несомненно, имел этот сан, поскольку в архиве М. Е. Губонина сохранились копии документов, подписанных: «архиепископ Иларион».
35. Газета «Известия», 23 сентября 1923 г.
36. Обращение православных епископов к обновленческому «митрополиту» Евдокиму (Мещерскому) от 10/28 ноября 1923 г., Москва.
37. Протопресвитер Василий Виноградов. О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности Святейшего Патриарха Тихона// Церковноисторический вестник, 1998, № 1. С. 10–11.

38. Там же. С. 15–18.
39. Там же. С. 18–25.
40. Он называл меня «мой Евгений» (воспоминания о владыке Иларионе (Троицком) Е. П. Павлова)// Православная русская газета «Вед», 1998, № 3 (17).
41. Цит. по: Игумен Дамаскин (Орловский). Указ. соч. С. 425.
42. Архиепископ Иларион (Троицкий). Церковь гонимая и Церковь господствующая (К празднованию 1600-летия со времени Миланского эдикта).— Церковь как союз любви. С. 247.
43. Протоиерей М. Польский. Новые мученики Российские. Репр. изд. Т. 1.— М. /С. 129.
44. Там же. С. 127–128.
45. Митрополит Иоанн (Снычев). Священномученик Иларион, архиепископ Верейский. Житие и свидетельства к церковному прославлению.— М.: Издание Сретенского монастыря, 1999. С.12–14.
46. Ширяев Б. Неугасимая лампада// Наш современник. 1991, № 9. С. 100–102.
47. Письмо к Л. Архангельской 3 февраля 1926 г. Цит. по: Игумен Дамаскин (Орловский). Указ. соч. С. 432–433.
48. Протоиерей М. Польский. Указ. соч. С. 133.
49. Цит. по: Игумен Дамаскин (Орловский). Указ. соч. С. 437. Ширяев Б. в книге о Соловецком лагере «Неугасимая лампада» описывает праздник Светлого Христова Воскресения так. На Пасху 1925 года владыка Иларион добился у начальника СЛОНГа Эйхманса разрешения провести богослужение. «Пасхальная заутреня проходила в ветхом кладбищенском храме святого Онуфрия. Крохотная церковь не могла вместить даже лагерное духовенство... Кладбище было полно народу. Голос владыки Илариона доносился из глубины храма: среди тишины северной ночи. И вот на улицу вышел крестный ход... “Христос воскрес!” — “Воистину воскрес!” — прозвучало под торжественным куполом увенчанного сполохом неба. С победным, ликующим пением о погранной, побежденной смерти шли те, кому она грозила ежечасно, ежеминутно... Ликующий хор “сущих во гробех” славил и утверждал свое грядущее, неизбежное, непреодолимое силами зла воскресенье».— Ширяев Б. Указ. соч. С. 102.
50. Волков О. Век надежд и крушений.— М., 1989. С. 73–74.
51. Письмо архиепископа Илариона к Н. Н. по поводу Декларации митрополита Сергия (Страгородского) от 16 (29) июля 1927 г. — Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России. С. 524.

52. Митрополит Иоанн (Снычев). Стояние в вере. Очерки церковной смуты. СПб.: «Царское дело», 1995. С. 106, 164, 184, 195.
53. Архимандрит Феодосий (Алмазов). Мои воспоминания (Записки соловецкого узника). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье. Общество любителей церковной истории. 1997. С. 99–100.
54. Цит. по: Игумен Дамаскин (Орловский). Указ. соч. С. 442.
55. Протоиерей М. Польский. Указ. соч. С. 133.
56. Архимандрит Феодосий (Алмазов) пишет о причине смерти священномученика Илариона: «И. М. Зайцев (генерал-майор Белой армии, пребывавший два года в Соловецком лагере), со слов Юповича, международного авантюриста, сосланного на Соловки, сообщает, что архиепископа Илариона пробовали отравить, но его сильный организм не поддавался яду. Очевидно, таковой ему был влит укол, когда он болел тифом в Петрограде, и организм был ослаблен. Несомненно, архиепископ Иларион в Петрограде умер от отравления. Тиф, вероятно, был тоже искусственно привит помещением в одну камеру с тифозными». — Архимандрит Феодосий (Алмазов). Указ. соч. С. 106.
57. Информация по сведениям Анфимовой М. Ф. По сведениям протоиерея М. Польского, отпевание совершал митрополит Серафим (Чичагов).
58. Письмо протоиерея В. Страхова// Московский церковный вестник, 1993, № 4.
59. Архиепископ Иларион (Троицкий). Очерки из истории догмата о Церкви. — М.: «Православный паломник», 1997. С. 9.
60. Архиепископ Иларион (Троицкий). Грех против Церкви. В кн.: Церковь как союз любви. С. 169.
61. Митрополит Иоанн (Снычев). Священномученик Иларион, архиепископ Верейский. Житие и свидетельства к церковному прославлению.— М.: Издание Сретенского монастыря, 1999. С. 43–44.

Русь Святая!
Храни веру Православную,
в ней же тебе утверждение!

ЛР № 065821 от 15.04.98.

Подписано в печать 04.04.04. Формат 70x100 1/16

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Объем 4,5 п. л. Усл. печ. л. 5,8.

Гарнитура «Ньютон». Тираж 10 000 экз.

Издательство «Ковчег».

Москва, ул. Красина, 7

Отпечатано с готовых монтажей
в ОАО типографии «Молодая гвардия».

103030, Москва, Сушевская, 21.

Заказ № 2658 .

ООО «ТехноГранд»

